
Начальная стадія аріанскихъ движеній и первый все- ленскій соборъ въ Никее.

1., Нѣтъ надобности объяснять, почему свой исходный пунктъ аріанскія движенія получили въ Александріи. Еще съ конца второго вѣка эта церковь сдѣлалась центромъ богословскаго развитія Востока и приобрѣла въ христіанскомъ мірѣ особую славу,—славу церкви философской, въ которой никогда не ослабѣвали интересы къ изученію высшихъ вопросовъ вѣры и знанія. Притягательная сила, которою владело мѣстное богословское училище со времени Климента и Оригена, отовсюду привлекало въ Александріи людей даровитыхъ, съ оригинальнымъ образомъ мыслей, всегда готовыхъ принять живое участіе въ общей богословской работѣ. Самый строй церковной жизни въ Александріи способствовалъ образованію здѣсь различныхъ богословскихъ группъ. Въ Александрійской церкви гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ церквахъ, ослабѣли узы, связывавшія всю паству съ епископомъ. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Римѣ, всѣ пресвитеры составляли собой одинъ клиръ, служащій при епископѣ и находящійся подѣ постояннымъ его контролемъ, въ Александріи къ началу IV вѣка уже была въ полномъ развитіи приходская жизнь; городъ дѣлился на кварталы или лавры, и каждая лавра имѣла свой храмъ и своего пресвитера, который и являлся приходскимъ священникомъ для жителей этой лавры и окрестныхъ селеній. Вполнѣ понятно, что это приходское духовенство, будучи подчинено епископу, на практикѣ получало болѣе независимое отъ него положеніе. Приходскій пресвитеръ Александріи помимо совершенія службъ и требъ для своего прихода, былъ на-

дѣлеть еще двумя важными полномочіями: правомъ толковать Св. Писаніе и поучать паству по своему усмотрѣнію ¹⁾ и правомъ отлучать мірянъ отъ церковнаго общенія, не донося о томъ епископу ²⁾. Прихожане отдавались въ полное распоряженіе пресвитера и находились въ большей церковной и умственной зависимости отъ него, чѣмъ отъ епископа. Пресвитеръ сживался съ прихожанами, воспитывалъ ихъ въ своихъ убѣжденіяхъ и пріобрѣталъ въ нихъ вѣрныхъ приверженцевъ себѣ. Нѣкоторые александрійскіе священники сниски-

¹⁾ Epirh. Наег., 69, 2.

²⁾ Болотовъ. Епархіи древней церкви. Церковныя Вѣдомости, 1906, № 3; „Приходскіе пресвитеры имѣли права *motu proprio*, не обращаясь за разрѣшеніемъ на это къ своему епископу, лишая мірянъ церковнаго общенія, и когда апелляція на такое отлученіе,—видимо, чрезъ посредство мѣстнаго епископа,—подана была самому папѣ александрійскому Теофилу, онъ призналъ образъ дѣйствій пресвитеровъ совершенно законнымъ“. Болотовъ самъ сознается, что очеркъ его написанъ „по пріему для него необычному и антипатичному—*безъ цитатъ*“. Не принадлежало ли александрійскимъ пресвитерамъ и право рукополагать своихъ епископовъ? Есть свидѣтельство Евтихія, что Александръ александрійскій рукоположенъ былъ пресвитерами. Въ коллекціи писемъ Севера, переведенныхъ на сирскій языкъ Антоніемъ низибійскимъ и хранящихся въ британскомъ музеѣ (Ms. Add. 12, 181 and Add. 14. 609), 3-е письмо второй секціи, адресованное къ православнымъ въ Емессъ, обсуждаетъ случай съ извѣстнымъ Исаіей, отстаивающимъ свое право рукополагать посредствомъ одного епископа ссылкой на канонъ, приписываемой Симону Хананеянину. Въ отвѣтъ на это Северъ возражаетъ, что неприлично ссылаться въ опроверженіе принятой практики на забытый обычай, и затѣмъ продолжаетъ: „и епископъ города, извѣстнаго своимъ православіемъ, города Александріи, обыкновенно въ прежнее время рукополагался пресвитерами, но *въ послѣдніе дни*, согласно канонамъ, получившимъ господства, поставленіе епископа совершается рукою епископа“. Северъ писалъ изъ Египта около 500 года и былъ хорошо знакомъ съ преданіями александрійской церкви. Съ этимъ извѣстіемъ Севера любопытно сопоставить рассказъ Лавсаика о Пиментѣ: „нѣкогда пришли къ нему еретики и стали порицать архіепископа Александріи за то, что онъ получалъ хиротонію чрезъ пресвитеровъ; старецъ, помолчавъ, позвалъ брата своего и сказалъ: приготовь трапезу и пригласи ихъ кушать,—и потомъ отпустилъ ихъ съ миромъ (Butler. Lausaical History of Palladius, Tex. and Stud VI, 1, 213)“. Ср. Brock. Journ. of theol. studies. 1901, v. II, es. 612. 613. Отзвукъ этого обычая слышится въ извѣстии „History of the patriarchs of the coptic church of Alexandria (Patrologia orientalis 1, 4, Paris 1905, 491): когда Ахилла патріархъ скончался, *народъ* собрался и возложилъ свои руки на пресвитера Александра, и послѣ этого онъ возсѣлъ на епископскій престолъ.

вали себѣ въ своихъ прихожанахъ такую привязанность, что послѣдніе изъ расположенія къ настоятелю нерѣдко называли себя его именемъ: такъ, прихожане Коллуфа именовали себя коллуфіанами, прихожане Карпона—карпоніанами, и т. д. Однимъ изъ такихъ вліятельныхъ приходскихъ священниковъ и былъ Аріѳ.

Прошлое Арія до разрыва его съ епископомъ Александромъ извѣстно только въ общихъ чертахъ. Родомъ Ливіецъ ¹⁾, онъ богословское образованіе получилъ въ Антіохіи, въ школѣ Лукіана мученика ²⁾ и, затѣмъ, вѣроятно, съ первыхъ годовъ Діоклитіанова гоненія, жилъ въ Александріи. Отличавшая его ревность по вѣрѣ побудила его принять въ это время сторону Мелетія, епископа ликопольскаго, отдѣлившася отъ тогдашняго александрійскаго епископа Петра по вопросу о принятіи падшихъ въ церковь. Созомъ, у котораго заимствуются эти свѣдѣнія, сообщаетъ, что партію Мелетія онъ скоро покинулъ и присоединился къ Петру, но когда Петръ отлучилъ приверженцевъ Мелетія отъ церкви и не призналъ ихъ крещенія, то Аріѳъ возсталъ противъ этихъ рѣзкихъ мѣръ и самъ былъ отлученъ Петромъ. Послѣ мученической кончины Петра (310 г.), онъ снова соединился съ церковью, достигъ сана пресвитера ⁴⁾ и даже считался кандидатомъ на александрійскую епископскую кафедру. По словамъ Филосторгія, когда умеръ преемникъ Петра Ахилла, Аріѳъ долженъ былъ сдѣлаться епископомъ; при избраніи онъ получилъ большинство голосовъ, но отказался отъ нихъ въ пользу своего сопредседателя Александра. Православные-же историки самое уклоненіе Арія отъ церковнаго ученія объясняютъ его личнымъ раздраженіемъ противъ Александра за предпочтеніе, оказанное тому на епископскихъ выборахъ ⁶⁾. Изъ этихъ противорѣчивыхъ свѣдѣній можно вывести только то заключеніе, что Аріѳъ еще при Ахиллѣ занималъ видное положеніе въ александрійскомъ клирѣ, и что имя его, вѣроятно, произносилось

¹⁾ Epiph. Haer., 69, 1.

²⁾ Epist. Arii ad Euseb. ср. Epiph. 69, 6.

³⁾ Sozom. H. E., 1, 15:

⁴⁾ Sozom. ibid.

⁵⁾ Philost., H. E.; 1, 3.

⁶⁾ Theodor. H. E., 1, 2.

въ числѣ кандидатовъ на епископскую кафедру. Это называется и уважительнымъ отношеніемъ къ нему Александра ¹⁾: онъ предоставилъ Арію въ завѣдываніе одну изъ приходскихъ церквей, которую Епифаній называетъ Вавкалійскою, и при которой, можно догадываться изъ Филосторгіи, служилъ самъ Александръ до избранія его во епископы. Филосторгіи рассказываетъ, что самое названіе доставшейся Арію церкви вавкалійскою (*βαυκαλίον* или *βαυκαλίς* — горшокъ для питья съ узкимъ согнутымъ горлышкомъ) данъ александрійцами въ насмѣшку надъ Александромъ, который своей старческой согбенной фигурой напоминалъ форму этого горшка ²⁾. У новыхъ своихъ прихожанъ Аріи скоро заслужилъ расположеніе, такъ что они стали называть себя аріанами ³⁾, полагая въ томъ особое свое преимущество. Въ Александріи онъ обращалъ на себя вниманіе какъ своею внѣшностью, такъ и діалектическимъ искусствомъ ⁴⁾. Высокій ростомъ и угрюмый на видъ старикъ, онъ носилъ всегда однообразную, простую одежду и своимъ образомъ жизни и ревностью по вѣрѣ производилъ впечатлѣніе аскета; его угрюмость не мѣшала, однако, сближенію его съ прихожами; „онъ сладокъ былъ въ бесѣдѣ, — говоритъ о немъ Епифаній, — дѣйствуя на души убѣжденіями и ласкательствами“ ⁵⁾. Таковъ былъ Аріи; очевидно, послѣдующія поколѣнія ничего дурного не могли бы сказать о немъ; если бы онъ не сдѣлался виновникомъ спора, который навсегда обратилъ его имя въ синонимъ ужаснѣйшаго отступленія и проклятія; въ этомъ спорѣ прошла вся его дальнѣйшая жизнь; этотъ-же споръ, вѣроятно, вложилъ ему въ первый разъ въ руки перо, чтобы защищать свое ученіе, сдѣлалъ его писателемъ и даже поэтомъ.

Выдающіеся таланты Арія, его діалектика и экзегетическія дарованія ⁶⁾ скоро стали вызывать общее вниманіе къ нему и возбуждать зависть въ соперничавшихъ пресвитерахъ

¹⁾ Sozom. 1, 15: (Александръ) имѣлъ о немъ хорошее мнѣніе.

²⁾ Philost., Н. Е., 1, 4.

³⁾ Epiph. Haer., 69, 2.

⁴⁾ Sozom, ibid.: „сильно любя діалектику“.

⁵⁾ Epiph., 69, 3.

⁶⁾ По свидѣтельству Θεодорита (Н. Е., 1, 2) Аріи имѣлъ особое порученіе отъ Александра изъяснять Божественное Писаніе.

Александріи. Вполнѣ естественно, что толкуя Св. Писаніе и поучая народъ въ своей церкви, Аріій проводилъ тѣ самыя догматическія воззрѣнія, за которыя онъ потомъ былъ осужденъ церковью. И дѣйствительно, однажды объясняя извѣстное мѣсто изъ притчей: Господь создалъ меня въ начало путей своихъ (8, 22), онъ высказалъ и развилъ ученіе о тварной природѣ Сына Божія ¹⁾. Но епископъ Александръ не зналъ объ этомъ и едва-ли слѣдилъ за его проповѣднической дѣятельностью ²⁾. Аріій продолжалъ популяризировать свои воззрѣнія, и начавшіеся споры стали охватывать собой не только весь пресвитеріатъ, но и народъ. Александру былъ сдѣланъ доносъ на Арія ³⁾, но александрійскій епископъ еще разъ не придавалъ ему серьезнаго значенія. Въ ученіи Арія онъ увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ научныхъ вопросовъ, которые часто возбуждались въ его церкви, и такъ какъ нѣкоторые изъ его пресвитерскаго коллегіума возстали противъ ученія Арія, то онъ предоставилъ дѣлу идти своимъ путемъ, занявши среди спорящихъ партій нейтральное положеніе. Въ своемъ присутствіи онъ устраивалъ публичные диспуты между противными сторонами, при чемъ самъ не давалъ перевѣса какой-либо одной сторонѣ, но, по словамъ Созомена, „колебался нѣсколько, похваляя однихъ, а иногда другихъ“ ⁴⁾. Событія, однако, сложились такъ, что Александру стало невозможно выдерживать свое посредствующее положеніе. На одномъ изъ собраній, когда Александръ, философски разсуждая о Св. Троицѣ, въ присутствіи пресвитеровъ, выразился, что „Св. Троица есть въ Троицѣ единица“, Аріій напалъ на своего епископа, обвиняя его въ

¹⁾ Epist. Naeg., 69, 12: „въ этомъ онъ (Аріій) нашелъ поводъ къ заблужденію“. Замѣчательно, что Аванасій свое опроверженіе аріанъ начинаеть съ разбора этого изреченія. Евсевій никомидійскій въ письмѣ къ Павлину тирскому исходный пунктъ для своихъ разсужденій также беретъ отсюда.

²⁾ Theodor., H. E., 1, 4: „посланіе Александра алекс. къ Александру константиноп.: „свѣдѣніе (объ этомъ) я получилъ поздно“.

³⁾ По указанію Епифанія (Наег., 69, 3), Мелетій сдѣлалъ этотъ доносъ; вѣрнѣе, однако, извѣстіе, сохранившееся у Геласія Кизическаго (Migne, gr. s., t. 85, c. 1227), что пресвитеръ Коллуфъ первый обратилъ вниманіе на заблужденіе Арія. Въ подписяхъ подъ окружнымъ посланіемъ Александра Коллуфъ занимаетъ первое мѣсто (Migne ib., t. 18, c. 577).

⁴⁾ Sozom. I, 15.

савелліанствѣ, и вслухъ всѣхъ высказалъ свое ученіе о тварности Сына Божія ¹⁾. Александръ окончательно присоединился къ противникамъ Арія и запретилъ ему распространять свое ученіе. Но для пользовавшагося большою самостоятельностью александрійскаго пресвитера такое запрещеніе мѣстнаго епископа не могло имѣть достаточнаго авторитета. Аріій продолжалъ пропаганду ²⁾. На сторону Арія стало 700 дѣвственницъ, 12 діаконъ, 7 пресвитеровъ и два областныхъ епископа—Θεона мармарикскій и Секундъ птолемаидскій ³⁾. Изъ документовъ, относящихся къ этому времени, мы можемъ съ нѣкоторою точностью опредѣлить, какую именно часть александрійскаго клира увлекъ за собою Аріій. Когда послѣ собора, отлучившаго аріанъ, Александръ предложилъ клиру подписаться подъ окружнымъ посланіемъ, то всѣ подчиненные ему клирики,—александрійскіе и мареотскіе ⁴⁾,—исполнили его посланіе. Всѣхъ клириковъ, оставшихся вѣрными Александру, насчитывается 26 пресвитеровъ и 44 діакона, если-же исключимъ мареотскихъ клириковъ, то на долю собственно александрійскаго клира падеть 17 пресвитеровъ и 24 діакона. Такимъ образомъ, Аріій увлекъ за собою почти $\frac{1}{3}$ клира, а если считать однихъ александрійскихъ, то почти $\frac{1}{2}$ ⁵⁾. Чувствуя свое положеніе въ Александріи не особенно прочнымъ, аріанская партія отправила посольство къ „городскимъ епископамъ“, которое, представивъ имъ письменное изложеніе вѣры, просило ихъ написать къ Александру, чтобы онъ не притѣ-

¹⁾ Socr., H. E., 1, 5. На такое начало своего разрыва съ Александромъ, указываетъ самъ Аріій въ своемъ письмѣ къ нему, гдѣ, перечисливъ разныя ложныя мнѣнія о Троицѣ, онъ продолжаетъ: „ты самъ, блаженный папа, среди церкви и собора многократно опровергалъ утверждающихъ это и т. д. (Epirh. haer., 69, 7).

²⁾ Sozom. H. E., 1, 15. Епифаній говоритъ объ осужденіи Арія и изгнаніи его изъ города, однако замѣчаемъ, что Аріій долгое время медлилъ въ городѣ (Epirh. haer., 79, 3. 4)^{*}. Епифаній, несомнѣнно, смѣшиваетъ событія.

³⁾ Epirh. haer., 69, 3.

⁴⁾ Мареотъ—небольшое поселеніе на берегу озера Мореа, находившееся вблизи Александріи и въ церковномъ отношеніи подчиненное алекс. епископу.

⁵⁾ Migne gr. s., t. 18, c. 577: Все духовенство Александріи, включая Мареотъ, состояло изъ 45 пресвитеровъ и 56 діаконъ.

снять ихъ. „Весьма многія лица, почтенныя по образу доброй жизни и сильныя по убѣдительности слова“, заявили о своемъ согласіи помочь дѣлу Арія. Во главѣ сторонниковъ Арія сталъ Евсевій, „мужъ ученый“ ¹⁾, передовой человѣкъ своего времени, родственникъ царской фамиліи и потому имѣвшій большую власть въ церковныхъ дѣлахъ Востока. Съ Александромъ александрійскимъ онъ велъ давно непріятные счеты ²⁾, которые еще болѣе усилились съ тѣхъ поръ, какъ столица имперіи со времени Діоклитіана была перенесена въ Никодимію. Дѣло въ томъ, что первенствующимъ епископомъ въ восточной половинѣ церкви въ то время былъ епископъ александрійскій; съ перенесеніемъ же столицы въ Никомидію эта прежде незначительная кathedra стала возвышаться и Евсевію, какъ придворному епископу ³⁾, естественно было желать пріобрѣсти себѣ большее значеніе въ дѣлахъ церкви путемъ приниженія александрійскаго епископа. Здѣсь сказывалась струнка соперничества изъ-за первенства, которая должна была придать спорамъ болѣе страстный характеръ ⁴⁾. Понятно, что посольство наслѣдовало полный успѣхъ. Письма посылались къ Александру и Арію,—въ защиту и утѣшеніе ихъ. „Прекрасно мудрствуя,—говорилъ Евсевій никомидійскій Арію,—желай, чтобы всѣ такъ мудрствовали, потому что всякому ясно, что сотвореннаго не было, пока оно не приведено въ бытіе; приведенное же въ бытіе имѣетъ начало“ ⁵⁾. Аѳанасій аназаварскій и Георгій, впослѣдствіи епископъ лаодикійскій ⁶⁾, писали къ Александру, обличая его въ неправильномъ пониманіи церковнаго ученія и давали аріанамъ совѣтъ, какъ относиться къ воззрѣ-

¹⁾ См. Sozom. Н. Е., 1, 15—вообще болѣе освѣдомленный въ исторіи этихъ событій и, вѣроятно, пользовавшійся какимъ-либо аріанскимъ источникомъ.

²⁾ Soz., Н. Е., 1, 6: „желая возобновить давнюю, забытую отъ времени свою злонамѣренность (Александръ¹ объ Евсевіи)“.

³⁾ Тогдашній правитель Востока Лициній также жилъ въ Никомидіи.

⁴⁾ Александръ, по крайней мѣрѣ, не скрываетъ своего негодованія на Евсевія: „какъ будто на немъ (Евсевіи) лежитъ вся тяжесть Церкви“ (Soz., Н. Е., 1, 6).

⁵⁾ Athan. De synod., n. 17.—Migne gr. s., t. 25, c. 712,

⁶⁾ Георгій, родомъ александріецъ (Philost., Н. Е., 8, 18)—рукоположенный въ пресвитеры Александромъ.

ніямъ Александра ¹⁾. Въ этомъ печальномъ положеніи александрійскій епископъ рѣшился на крайнюю мѣру: около 318 года онъ созвалъ соборъ изъ ста подвластныхъ ему епископовъ, отлучилъ Арія и его сторонниковъ отъ церкви, осудилъ его ученіе, изгналъ изъ Александріи и въ окружномъ посланіи объявилъ о своемъ поступкѣ по всѣмъ церквямъ ²⁾. Это былъ такой шагъ, который не только не помогъ ослабленію споровъ, а напротивъ, разнесъ эти споры по всему Востоку и дѣлу Арія придалъ не мѣстный, александрійскій, характеръ, а общее церковное значеніе.

Прежде всего недоволенъ былъ Евсевій никомидійскій, добросовѣстность намѣреній котораго подрывалась оскорбительными намеками Александра, не относящимися къ сущности дѣла ³⁾. Но осужденіе, произнесенное Александромъ на Арія и его сторонниковъ, затрогивало не одного Евсевія, а всѣхъ восточныхъ епископовъ, выразившихъ свое сочувствіе его ученію. Оно казалось неслыханнымъ оскорбленіемъ, нарушеніемъ всѣхъ каноническихъ правъ и вмѣшательствомъ Александра въ области, подлежащія его вѣдѣнію. Изгнанные теперь изъ Александріи Арій и его александрійскіе сторонники хорошо воспользовались этимъ положеніемъ дѣла. Въ своемъ письмѣ къ Евсевию никомидійскому Арій, напоминая ему о прежней своей связи по школѣ Лукіана, жалуется на несправедливость произнесеннаго на него Александромъ осужденія. „Не я одинъ, но и братъ твой Евсевій въ Кесаріи, Θεодотъ (лаодикійскій), Павлинъ (тирскій), Аванасій (аназабарскій), Григорій (беритскій) и Аэцій (лидскій) и всѣ восточные, т. е. сирскіе и палестинскіе, за исключеніемъ только трехъ, учать то же самое; поэтому, и они всѣ

¹⁾ Отрывки писемъ см. у Аванасія тамъ-же.

²⁾ Оно помѣщено у Сократа (Н. Е., I, 6).—По всѣмъ видимостямъ это древнѣйшій документъ, относящійся къ аріанскимъ движеніямъ: въ немъ Александръ очень кратко излагаетъ ученіе Арія и столь-же кратко опровергаетъ его; онъ пишетъ съ полной увѣренностью въ правотѣ своего дѣла и, извѣщая объ осужденіи Арія и его сторонниковъ, нимало не сомнѣвается въ томъ, что рѣшеніе его собора будетъ готовно принято всею церковью. Его второе посланіе, помѣщенное у Θεодорита, какъ увидимъ ниже, отличается совершенно другимъ характеромъ.

³⁾ Ср. Socr., I, 6: „Александръ воспламенился гнѣвомъ на Евсевія и составилъ соборъ“ и т. д.

подвергнуты анаѳемѣ“ ¹⁾). Аріѳ, безъ сомнѣнія, выражалъ здѣсь то, что чувствовали и всѣ поддерживавшіе его епископы. Въ борьбѣ съ Александромъ теперь уже недостаточно было тѣхъ случайныхъ и разрозненныхъ полумѣръ, выражавшихся въ частныхъ письмахъ и моральной поддержкѣ, какими пользовались ранѣе. На осужденіе, произнесенное соборомъ, можно отвѣтить только соборно. Соборъ составилъ въ Виеиніи, области, къ которой принадлежала Никомидія, и происходилъ, вѣроятно, подъ предсѣдательствомъ Евсевія. Сюда съѣхались всѣ единомышленники Арія и его послѣдователи. Разосланы были ко всѣмъ епископамъ посланія, въ которыхъ соборъ, излагая ученіе Арія ²⁾, требовалъ, чтобы аріанъ повсюду принимали въ общеніе, и ходатайствовали о томъ предъ Александромъ ³⁾. Разрывъ произошелъ формальный, и вопросъ состоялъ въ томъ, чья сторона больше пріобрѣтетъ себѣ сторонниковъ. Агитація охватила собой обѣ партіи. Многіе подписались подъ изложеніями, изданными виеинскимъ соборомъ. Александръ составилъ спеціальнѣй „томъ (tomus)“ съ обличеніемъ вѣроученія аріанъ и разослалъ его для подписей по всѣмъ епископіямъ ⁴⁾. Если вѣрить эксцептору, извлекавшему свѣдѣнія изъ этого тома, то Александру удалось собрать до двухсотъ подписей (plus minusque ducenti numera). Но, по крайней мѣрѣ, одно мѣсто въ перечисленіи тѣхъ провинцій, къ которымъ принадлежали подписавшіеся епископы, у него не подлинно. Подписи заканчиваетъ Филогоній, епископъ Антиохіи сирской съ прибавкой: и всѣ восточные епископы (*οἱ τῆς ἀνατολῆς θεοφιλεῖς ἐπίσκοποι*), Месопотаміи, Августо-Евфратезіи,

¹⁾ Eriph. haer., 69, 7.

²⁾ Theodor., H. E., I, 3 (по Migne, gr. s., t. 82) Александръ называетъ ихъ „изложеніями вѣры“.

³⁾ Sozom., H. E., I, 15.

⁴⁾ Извлеченія ex tomo incyclico, quem scripsit papa Alexander archiepiscopus, de fide orthodoxa ad amantes Dei episcopos qui sunt in universo orbe сохранились только на сирскомъ языкѣ и изданы Питрой (Analecta sacra, t. IV Paris, 1883) на сирскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ (196—200; 430—431). Отрывокъ содержитъ кромѣ заголовка одно начало символа и заканчивается указаніемъ на подписи. Греческій переводъ его см. E. Schwartz, Zur Geschichte Athanasius. Nachr. d. konig. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen Philologisch.—Hist. Klasse, 1905, 3, ss. 265—285.

Киликіи, Псавріи и Финикіи. Странно уже то, что эксцепторъ, отмѣтивъ *ἡ ἀρχιεπισκοπή*, т. е. весь діоцезъ Востока (Oriens, включавшій въ себя, между прочимъ, и Египетъ съ Пентаполемъ и Ливіей), перечисляетъ затѣмъ отдѣльныя провинціи. При томъ же провинціи Августо-Евфратезіи во время Александра не существовало: она отдѣлена была отъ Сиріи лишь между 325—359 г.г. Филогоніей, вѣроятно, отмѣтилъ въ своей подписи „и всѣ на Востокъ“, разумѣя главный городъ своей провинціи Антіохію, что часто встрѣчается въ сирскихъ документахъ того времени ¹⁾. Такимъ образомъ, если исключить пять провинцій, произвольно внесенныхъ эксцепторомъ, то цифру 200 нужно значительно понизить. Во время Епифанія обращался списокъ, заключавшій въ себѣ только 70 писемъ (вѣроятно, этотъ же *tomus*, разосланный въ нѣсколькихъ экземплярахъ) Александра къ различнымъ епископамъ съ отвѣтами на нихъ ²⁾. Въ то же время Александръ постарался извѣстить и римскаго папу Сильвестра о состоявшемся осужденіи Арія и его соучастниковъ ³⁾. Въ свою очередь и Арій поступалъ такъ же. Онъ тоже собиралъ благопріятныя ему посланія и распространялъ ихъ въ публикѣ. Его послѣдователи лично ходили по епархіямъ и убѣдительными и вкрадчивыми бесѣдами завлекали къ себѣ многихъ, не упуская случая показать несправедливость Александра. И чрезъ друзей они повсюду разсылали посланія, о которыхъ самъ Александръ говорилъ, что „они легко могли ввести въ заблужденіе всякаго, внимавшаго имъ съ простотою и чистой вѣрой“ ⁴⁾. Арій могъ похвалиться, что если число его сторонниковъ и меньше, чѣмъ у Александра, то въ рядахъ ихъ значились люди высокаго образованія и виднаго положенія въ церкви,—„мужи почтенные по внѣшнему образу, доброй жизни и сильные по убѣдительности слова“ ⁵⁾,—такіе, какіе Евсевій никомидійскій, Павлинъ тирскій, Патрофилъ скиеопольскій, и др., о которыхъ всѣ знали на Востокъ. Но здѣсь важна еще другая

¹⁾ См. Schwartz, *ibid.*

²⁾ Epiph. haer., 69, 4.

³⁾ Hilar. fragm., V; Migne, lat. s., t. X. c. 684.

⁴⁾ Theodor., H. E., 1, 3.

⁵⁾ Sozom., H. E., 1, 15.

сторона дѣла: покровительство государственной власти, благодаря связямъ Евсевія, стояло на сторонѣ аріанъ и положеніе Александра стало невыносимымъ.

Въ Александріи безпорядки дошли до крайней степени. Опираясь на постановленія вѣиинскаго собора, аріане построили себѣ отдѣльные храмы и днемъ и ночью собирались тамъ, чтобы распространять свое ученіе и опровергать Александра. Епископъ подвергался постояннымъ насмѣшкамъ; ежедневно происходили противъ него возмущенія и даже гоненія; безстыдныя женщины, подговоренныя аріанами, влекли его на судилища, обвиняя его въ позорныхъ преступленіяхъ. Среди александрійскаго клира обнаружились новыя отпаденія: два мареотскихъ пресвитера и четыре діакона перешли на сторону аріанъ ¹⁾. Самъ Коллуфъ отдѣлился отъ епископа, началъ рукополагать пресвитеровъ и создалъ особую самостоятельную церковь въ Александріи. Александръ опять пишетъ окружное письмо, назначая его Александру византійскому ²⁾. Жалуясь на свою горькую долю, онъ здѣсь уже подробно излагаетъ ученіе Арія не только въ его тринитарной, но и христологической части и еще подробнѣе и послѣдовательнѣе опровергаетъ его. Онъ выступаетъ здѣсь не какъ обвинитель, что можно наблюдать въ первомъ его посланіи, а какъ обвиняемый, тщательно старающійся отстранить отъ себя всѣ возможные нареканія. Но при всеї увѣренности въ правотѣ своего дѣла, онъ не ждетъ для себя ничего хорошаго въ будущемъ. „Такъ мы учимъ, такъ проповѣдуемъ,—заканчиваетъ онъ свое посланіе,—таковы апостольскіе догматы, за которые мы готовы и умереть, нисколько не обращая вниманія на тѣхъ, которые *вынуждаютъ* (Висбо-

¹⁾ См. Depositio Arii. Migne, gr. s. t., 18, с. 581.

²⁾ См. посланіе Алекс. у Θεοδωριτα (Н. Е., 1, 3). Оно написано „Александру, епископу Константинопольскому“, но Константинополя тогда еще не существовало; но для историка V вѣка или того сборника документовъ, какимъ онъ пользовался, такая ошибка извинительна. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту принятаго нами распорядка событій. Второе посланіе написано несомнѣнно послѣ вѣиинскаго собора: „нѣкоторые подписались,—говоритъ онъ здѣсь,—подъ изложеніями вѣрихъ и приняли ихъ самихъ въ церковь“. Здѣсь трудно разумѣть что-либо иное, кромѣ постановленій собора въ Вѣииніи.

игоу) насъ отказываться отъ нихъ, хотя бы принужденіе и сопровождалось пыткой“¹⁾).

И дѣйствительно, новый и болѣе сильный ударъ готовился Александру. Соборъ, составившійся изъ палестинскихъ епископовъ во главѣ съ Евсевіемъ кесарійскимъ²⁾, по просьбѣ Арія, призналъ за всѣми отлученными изгнанными изъ Александріи пресвитерскія и діаконскія права и предоставилъ осужденнымъ возвратиться въ Александрію и составлять богослужебныя собранія на прежнихъ основаніяхъ,—съ тѣмъ, однако, чтобы они подчинялись Александру и не противились имѣть съ нимъ миръ и общеніе³⁾. Этимъ опредѣленіемъ положенію Арія придано было законное основаніе: за партіей арианъ палестинскіе епископы формально признали право не подчиняться постановленію александрійскаго собора и требовать обратнаго возвращенія въ церковь. Но недостаточно было сдѣлать постановленіе, нужно было провести его въ жизнь. Аріи и всѣ осужденные съ нимъ пресвитеры и діаконы составили почтительное письмо⁴⁾ къ

1) „Воспротивившіеся (апостольскимъ догматамъ) Арій, Ахилла и другіе изгнаны изъ церкви“,—значится въ концѣ второго посланія. О чемъ говоритъ здѣсь Александръ? О томъ-ли изгнаніи, которое послѣдовало послѣ собора или о новомъ? Вѣроятно, —о первомъ, потому что вопросъ объ обратномъ принятіи Арія и его сторонниковъ въ Александрію составилъ собой предметъ дальнѣйшихъ движеній.

2) Sozom., Н. Е., 1, 15. На немъ присутствовали Павлія тирскій, Патрофія скифопольскій и многіе палестинскіе епископы.

3) Snellmann (Der Anfang d. arianischen Stretes. Helsingfors, s. 115) считаетъ соборъ въ Палестинѣ состоявшимся ранѣе второго посланія Александра, отправленнаго на имя византійскаго епископа, и потому утверждаетъ, что Аріи и его сторонники ко времени составленія этого посланія возвратились въ Александрію. Но Александръ ясно отмѣчаетъ, что Аріи, Ахилла и др. были тогда „изгнаны изъ церкви“ (Theodor., Н. Е., 1, 3).

4) Epirh. haer., 69, 7. Въ современной наукѣ обращается большое вниманіе на противорѣчивое указаніе источниковъ относительно числа и сана осужденныхъ Александромъ пресвитеровъ и діаконовъ. Здѣсь важную роль играетъ показаніе, приложенное ко второму окружному письму въ исторіи Феодорита (1, 3): „вотъ преданные аваемъ еретики изъ пресвитеровъ: Аріи, изъ діаконовъ: Ахилла, Евзой, Аифаль, Лукій, Сармать, Юлій, Мина и другой Аріи и Елладій“. Но изъ другихъ болѣе достоверныхъ источниковъ извѣстно, что четыре изъ значащихся здѣсь діаконами—Ахилла, Аифаль, Сармать и другой Аріи были пресвитерами. Что бы это могло значить? Если допустить, что Александръ низвелъ этихъ четырехъ пресвитеровъ въ санъ діакона въ качествѣ наказанія, — для

Александру, въ которомъ они излагаютъ ему свою вѣру. Отъ своей догматической позиціи они ни въ чемъ не отступаютъ, но, въ виду мирныхъ намѣреній, нѣсколько смягчаютъ и отчасти проясняютъ свои прежнія рѣзкія выраженія. Они признаютъ единого нерожденного Бога въ Своей единичности обладающаго всѣми совершенными свойствами, прежде вѣчныхъ временъ родившаго Сына едиnorodнаго, не призрачно, но Своимъ хотѣніемъ содѣлавшаго (*ὁλοτῆρα*)

чего едва-ли можно найти аналогію въ другихъ церковныхъ памятникахъ,—то почему прочіе діаконы остаются въ своей степени, а не понижены? Далѣе, заслуживаетъ вниманія, что въ этомъ спискѣ не хватаетъ двухъ именъ,—пресвитера Карпона и діакона Гая; куда они исчезли? Все это возбуждаетъ подозрѣніе въ принадлежности этой прибавки самому Александру. Оно не требуется содержаніемъ посланія и совершенно случайно приставлена къ нему. Пославіе имѣетъ свое ясное окончаніе: „Дай Богъ мнѣ получить“ и пр., а затѣмъ безсвязная приставка: „вотъ преданные анаемѣ“ и т. д. Во-вторыхъ, изъ спискѣ исторіи Феодорита, изъ котораго извлекаетъ это пославіе авторъ, перепечатанный у Migne (gr. s., t. 18, c. 573), этой прибавки нѣтъ; къ сожалѣнію Migne не присоединилъ никакихъ ни библиографическихъ ни палеографическихъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ отсутствіе у него этой прибавки не случайно. Съ принятіемъ этого предположенія все остальное выясняется. Александръ въ первомъ посланіи точно обозначаетъ всѣхъ осужденныхъ: Арій, Ахилла, Аифаль, Карпонъ, другой Арій и Сарматъ, бывшіе нѣкогда (*οἱ ποτε*) пресвитерами (6 пресвит.), Евзой, Лукій, Юлій, Мина, Елладій и Гай (6 діакон.). Migne dr. s., t. 18, c. 537). Тоже и у Созомена, пользовавшагося, вѣроятно, Сабиномъ (Н. Е., 1, 15), Арій не считается: Аифаль, Ахилла, Карповъ, Сарматъ и Арій (5+Арій=6 пресвит.), діаконы: Евзой (далѣе въ спискѣ неправильность: „*μακ...*“, нужно читать „*λουx*“ (*ως καὶ Γάιος*) см. Schwartz, ib., s. 296), Юлій, Мина, Елладій. Наконецъ, точно тѣ же имена и въ томъ же достоинствѣ повторяются и у Епифанія въ подписяхъ подъ письмомъ къ Александру. Вопросъ лишь въ томъ, когда (*οἱ ποτε*) бывшіе пресвитеры, получившіе вновь каноническое пресвитерство. Въ отвѣтъ на это не нужно прибѣгать къ какимъ-либо сложнымъ и постороннимъ соображеніямъ. Конечно, ни самъ Арій, ни защищавшіе его епископы не признавали низложенія, наложеннаго Александромъ, законнымъ. Извѣстіе Созомена (1, 15) даетъ видѣть, что соборно (въ противоположность собору Александра) санъ отлученныхъ признанъ былъ за ними палестинскимъ соборомъ. Остается объяснить еще извѣстіе Епифанія: 7 пресвитеровъ у него получилось правильно: 5 александрійскихъ, не считая Арія, и 2 мареотскихъ—Харистъ и Пистъ, низложенныхъ въ Depositio Arj; что касается число діаконѣвъ (12), то оно или ложно, или въ перечнѣ мареотскихъ діаконѣвъ, отлученныхъ въ Depositio (4 діаконѣ), два имени выпали (ср. Schwartz, ibid., c. 295).

Его непреложнымъ и неизмѣняемымъ ¹⁾, совершеннымъ твореніемъ Божиимъ, но не какъ одно изъ прочихъ твореній, рожденіемъ, но не какъ одно изъ рожденій ²⁾. Богъ одинъ безначаленъ, а потому Сынъ, рожденный прежде всѣхъ вѣковъ, не существовалъ прежде рожденія, а потому не вѣченъ и несовѣченъ Отцу, какъ говорятъ нѣкоторые, вводя два начала“. Они ни о чемъ не просятъ папу Александра: они считаютъ свое ученіе вполне правильнымъ и, дѣлая очень прозрачный намекъ на заблужденіе Александра (ученіе о двухъ началахъ), они всетаки находятъ возможнымъ утверждать, что ихъ воззрѣніе на Сына Божія вполне согласны съ ученіемъ Александра ³⁾. Какое впечатлѣніе произвело на Александра письмо Арія—неизвѣстно ⁴⁾, но оно было во всякомъ случаѣ лишь первымъ толчкомъ къ тому чтобы принудить Александра къ исполненію постановленій палестинскаго собора. Два Евсевія—никомидійскій и кесарійскій,—энергично принялись за дѣло. Павлинъ тирскій, богословская знаменитость того времени, по просьбѣ Евсевія никомидійскаго, составилъ теоретическое оправданіе аріанства ⁵⁾ и въ особомъ письмѣ отправилъ его къ Александру ⁶⁾. Кесарійскій же епископъ въ нѣсколькихъ письмахъ ⁷⁾ напалъ на Александра, стараясь изобличить ложность его обвиненій на аріанъ и защитить ихъ. „Послѣ такой борьбы и такихъ стараній опять появились твои грамоты ⁸⁾,—пишетъ Евсевій

¹⁾ Eriph. Naeg., 69, 6. См. Migne, gr. s., t. 42, c. 313; Аріане и здѣсь не противорѣчили себѣ: по природѣ измѣняемый Сынъ Божій сталъ неизмѣняемымъ по своей волѣ, утвердился въ добрѣ.

²⁾ Эта всегдашняя мысль аріанъ.

³⁾ „Онъ (Отецъ) есть Богъ прежде всего и существуетъ прежде Христа, какъ мы научились отъ тебя, проповѣдывавшаго это среди церкви“. Догматическія воззрѣнія Александра слагались въ борьбѣ съ аріанствомъ, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, если онъ и высказывалъ эту мысль.

⁴⁾ Во всякомъ случаѣ этимъ отвѣтомъ не было Depositio Ariti, какъ думаетъ Snellmann, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакого намека на письмо Арія.

⁵⁾ У Theodor., H. E., I. 5—все содержаніе письма показываетъ эту цѣль.

⁶⁾ Указаніе на это см. у Eusev. Caes. (C. Marcellum, I, 4).

⁷⁾ См. акты VII вселенскаго собора, гдѣ упоминается о многихъ письмахъ Евсевія къ Александру (Mansi, Cons. coll., XIII, 317).

⁸⁾ Какъ видно изъ опровергаемыхъ обвиненій, подъ этими грамотами разумѣется второе посланіе Александра.

въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему,—и ты обвиняешь ихъ въ томъ, будто они говорятъ, что Сынъ изъ несущаго, а вѣдь они представили списокъ (*ῥαציπαιεῖον*) ¹⁾, присланный тебѣ; излагая въ немъ свою вѣру, развѣ они не исповѣдуютъ Бога законовъ и пророковъ и новаго завѣта, родившаго едиnorodнаго Сына прежде вѣчныхъ временъ, чрезъ Котораго Онъ сотворилъ и всѣхъ, и все прочее, сдѣлавшаго своею волею непреложнымъ и неизмѣняемымъ, совершеннымъ твореніемъ Божиимъ, но не какъ одно изъ твореній..., а твое письмо обвиняетъ ихъ, какъ будто они говорятъ, что Сынъ родился, какъ одно изъ твореній. Не даешь-ли ты опять повода къ тому, чтобы они обвиняли и опровергали тебя? Странно опять и то, что, по твоему обвиненію они утверждаютъ, что Сущій родилъ (послѣ Себя) сущаго; удивляюсь тебѣ, развѣ можно что-нибудь иное сказать? Если существуетъ одинъ только Сущій, то ясно, что все, что произошло изъ Него, появилось послѣ Него, иначе было бы два Сущихъ ²⁾“.—Какъ бы то ни было, но Аріій и всѣ осужденные съ нимъ пресвитеры и діаконы возвратились въ Александрію и получили свои полномочія, и когда Константинъ Великій писалъ свое письмо въ Александрію, онъ обсуждаетъ Арія, какъ законнаго пресвитера ³⁾.

Но Александръ не остался одинокимъ и беззащитнымъ. Въ 324 году, такъ сказать, наканунѣ никейскаго собора, не позже 24 декабря ⁴⁾, въ Антиохіи (сирской) собрался соборъ изъ 56 епископовъ, сѣхавшихся изъ областей Келе-Сиріи,

1) Т. е. письмо Арія къ Александру съ исповѣданіемъ вѣры, очевидно разсматривавшееся на палестинскомъ соборѣ.

2) Mansi, *ibid.*

3) Eus. Vita Const., II, 64—72.

4) Посланіе этого собора, сохранившееся на сирскомъ языкѣ (Cod. Par. Syr., 62), только недавно опубликовано Schwartzемъ въ цитированныхъ выше *Nachrichten könig. Gesellsch. d. Wiss. v. Göttingen, philos. — hist. Klasse*, 1905, 11, 3, ss. 271—288. Можно было бы сомнѣваться въ подлинности документа: онъ назначенъ Александру, епископу Новаго Рима; излагая свой символъ, соборъ ссылается на вѣру духовныхъ отцовъ (*ἡ πίστις... τῶν ἁγίων πνευματικῶν*), гдѣ переписчикъ ставитъ цифру 318 отцовъ, т. е. никейскихъ. Но доказательства, приведенныя Schwartzемъ устраняютъ всякія сомнѣнія. Большая часть епископовъ, упомянутыхъ въ надписаніи посланія, присутствовала на никейскомъ соборѣ и значится въ его подписяхъ.

Палестины, Финикии, Аравіи, Киликіи и Арменіи. Поводомъ къ собору, повидимому, послужила смерть Филогонія, бывшаго епископомъ Антиохіи ¹⁾, и избраніе на его мѣсто новаго кандидата въ лицѣ извѣстнаго впоследствии Евстаѳія, занимавшаго тогда кафедру въ Беріи. Соборъ, составившійся въ то время, когда споры, поднятые Аріемъ, охватили весь Востокъ, не могъ обойти молчаніемъ спорный вопросъ своего времени. Въ своемъ посланіи къ Александру, епископу константинопольскому, соборъ вообще жалуется на наставшій безпорядокъ въ церковныхъ дѣлахъ и постоянное пренебреженіе канонами,—особенно потому, что созваніе соборовъ въ этихъ мѣстахъ подвергалось запрещенію ²⁾. Но какъ особенную злобу дня, требующую необходимаго рѣшенія, они отмѣчаютъ споры, поднявшіеся въ Александріи. Рассмотрѣвъ доставленное на соборъ акты (*τὰ πραχθέντα*) Александра противъ Арія, онъ не только осудилъ ученіе Арія и его единомышленниковъ, но и подвергъ изслѣдованію еще дѣло о трехъ епископахъ—Феодотѣ лаодикійскомъ, Наркисѣ изъ Неродіады и Евсевіи—епископъ Кесаріи палестинской ³⁾. Изъ чтенія сочиненій ихъ и разспросовъ соборъ убѣдился, что они мыслятъ согласно съ Аріемъ, но онъ не рѣшился осудить ихъ: въ виду приближающагося „великаго собора“ въ Анкирѣ ⁴⁾, онъ даетъ имъ срокъ для покаянія

1) Смерть Филогонія послѣдовала 24 дек. 324 года. (Schwartz, *ibid.*, s. 382).

2) Намекъ на тогдашняго правителя Лиціи, запретившаго соборы.

3) Второе посланіе Александра александрійскаго намекаетъ, очевидно, на этихъ епископовъ: „я не знаю, какъ это произошло, что рукоположенные въ Сиріи (?) три епископа приняли ихъ (аріанскій) образъ мыслей“. (Theodor., H. E., I, 3). Это замѣчаніе Александра и ввело въ заблужденіе Snellmann'a, заставившаго палестинскій соборъ предшествовать второму посланію. Snellmann въ этихъ трехъ епископахъ несправедливо увидѣлъ упоминаемыхъ у Созомена трехъ епископовъ, присутствовавшихъ на палестинскомъ соборѣ (Sozom., H. E., I, 15).

4) Фактъ, что первоначально „великій соборъ“ Константинъ хотѣлъ собрать въ Анкирѣ, можетъ считаться теперь установленнымъ. Давно уже былъ напечатанъ Питрой необращавшій доселѣ вниманія науки документъ, содержащій въ себѣ пригласительное письмо Константина къ епископамъ, гдѣ императоръ отмѣняетъ свое прежнее распоряженіе о соборѣ въ Анкирѣ и назначаетъ его въ Никей. Самъ Питра не увѣренъ былъ въ подлинности его въ виду того, что ни одинъ историкъ не говоритъ о немъ, и относилъ его къ извѣстному собору въ Анкирѣ, издав-

въ надеждѣ на исправленіе. Въ посланіи своемъ къ Александру, соборъ излагаетъ символъ вѣры, въ которомъ исповѣдуетъ Сына „рожденнымъ не изъ несущаго, а изъ Отца, и не какъ сотвореннаго (*ποικτόν*), но какъ главное рожденіе (*ὡς γέννημα κυρίου*), всегда сущаго, непреложнаго и неизмѣняемаго и анаематствуетъ тѣхъ, которые называютъ Сына Божія тварью или созданіемъ и утверждаютъ, что было время, когда Его не было. Слова: единосущный въ немъ не встрѣчается. Въ заключеніе своего посланія соборъ проситъ Александра сообщить о состоявшемся рѣшеніи „всѣмъ единодушнымъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, спорящія партіи еще до никейскаго собора сѣорганизовались. Если палестинскій соборъ, происходившій подъ предсѣдательствомъ Евсевія кесарійскаго, оправдалъ ученіе Арія и косвенно осудилъ всѣхъ его противниковъ, то антїохійскій соборъ далъ мощный отпоръ ему со стороны Александра александрійскаго, анаематствовавъ Арія и заподозривъ правовѣріе самого Евсевія. Всѣ возможные способы для примиренія спорящихъ сторонъ были исчерпаны, всѣ пути ко взаимному соглашенію отрѣзаны, и только вселенскій соборъ могъ дать исходъ всѣмъ накопившимся недоразумѣніямъ.

2. Новый поворотъ исторія аріанскихъ споровъ получаетъ со времени вмѣшательства въ нихъ государственной власти въ лицѣ Константина Великаго. До сихъ поръ аріанскія движенія носили на себѣ характеръ чисто-церковный; они питались единственно церковными мотивами и осуществлялись при помощи только церковныхъ средствъ. Тогдашній правитель восточныхъ областей имперіи, императоръ Лициній, не имѣлъ никакихъ побужденій вникать въ внутреннія дѣла церкви и заботиться о церковномъ мирѣ. Вынужденный ходомъ вещей признать за своими подданными право на свободное исповѣданіе христіанской религіи, Лициній продолжалъ смотрѣть на христіанство, какъ на неизбѣжное зло,

шему рядъ каноническихъ правилъ (Pitra, *Analecta Sacra*, t. IV, Par. 1883, ss. 223—234 (сирскій текстъ) ss. 449—464 (латинскій переводъ).

¹⁾ О дальнѣйшей судьбѣ этого постановленія на никейскомъ соборѣ ничего неизвѣстно. Возможно, что Евсевій кесарійскій намекаетъ, между прочимъ, на него, когда говоритъ: „одни начали обвинять своихъ ближнихъ, другіе защищались и порицали другъ друга“ ... царь же примирилъ ихъ (V. С. 11, 13).

которое нужно сдерживать, а не поощрять. Къ тому же христіане всегда казались ему людьми политически неблагонадежными, готовыми по первому призыву встать на сторону его западнаго соперника—Константина, не перестававшаго заявлять о своей расположенности къ христіанству. Съ этой точки зрѣнія, развившіеся въ церкви раздоры были для Лицінія явленіемъ даже желательнымъ: ослабляя силы церкви, они могли раждать у него надежду на поддержку со стороны какой-либо изъ спорящихъ партій въ случаѣ борьбы съ Константиномъ. И до насъ сохранилось одно, впрочемъ, недостаточно ясное извѣстіе, изъ котораго видно, что эта надежда не была тщетной. Въ письмѣ противъ Θεогниса и Евсевія, написанномъ уже послѣ никейскаго собора, Константинъ называетъ никомидійскаго епископа союзникомъ тираннской (т. е. Лицініевой) жестокости и жалуется на оскорбленія, лично императоромъ полученныя отъ него. „Онъ,—пишетъ здѣсь Константинъ о Евсевіи,—даже подсылалъ ко мнѣ соглядатаевъ и подавалъ тиранну чуть не вооруженную помощь“ ¹⁾.

Осенью 323-го года Константинъ побѣдилъ Лицінія и сдѣлался единодержавнымъ правителемъ всей римской имперіи. Тотчасъ-же послѣ побѣды онъ отправился на Востокъ, котораго онъ не посѣщалъ съ тѣхъ поръ, какъ, опасаясь преслѣдованій Галерія, тайно убѣжалъ изъ никомидійскаго дворца. Константинъ шелъ сюда окруженный славой и съ широкими политическими планами. Возстановивъ внѣшнее единство римской имперіи, онъ хотѣлъ теперь приступить къ внутреннимъ ея преобразованіямъ, намѣренъ былъ все государство перестроить заново, на лучшихъ и болѣе твердыхъ началахъ. Въ этихъ своихъ реформаторскихъ планахъ Константинъ первое мѣсто отводилъ христіанской церкви. Подобно большинству выдающихся политическихъ умовъ древности, Константинъ былъ убѣжденъ, что политическое единство неотдѣлимо отъ единства религіознаго, и достиженіе такого религіознаго объединенія своихъ подданныхъ ставилъ для себя жизненной задачей. „Привожу въ свидѣтели Самого Бога,—исповѣдуется императоръ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писемъ,—что двѣ причины побуж-

¹⁾ Theodor., H. E., 1, 19.

дали меня къ совершенію предпринятыхъ мною дѣлъ; во-первыхъ, я сильно желалъ ученіе всѣхъ народовъ о Божествѣ соединить въ одинъ общій строй; я понималъ, что если бы, согласно моимъ задушевнымъ желаніямъ я установилъ общее согласіе въ мысляхъ между всѣми почитателями Бога, то это принесетъ пользу и управленію государственному, давъ ему измѣненіе, соотвѣтствующее благочестивому расположенію всѣхъ“ ¹⁾). Отказавшись отъ язычества и ставши во главѣ христіанскаго общества, Константинъ въ церкви христіанской нашелъ тотъ институтъ, который долженъ обезпечить религіозное единство и стать залогомъ могущества и преуспѣянія имперіи. По мысли Константина, церковь являлась важнѣйшей опорой государства; она должна была блистать духовнымъ величіемъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ и своимъ внутреннимъ миромъ привлекать къ себѣ языческое населеніе имперіи, постепенно обращая все государство въ одинъ внутренно сплоченный организмъ. Отсюда благосостояніе церкви, ея единство, какъ и прочіе церковные вопросы, получали въ глазахъ Константина важность государственную и составляли собою предметъ самыхъ тщательныхъ заботъ его. Онъ внимательно слѣдилъ за нуждами церкви, окружалъ себя епископами, совѣтовался съ ними и съ увлеченіемъ отдавался разрѣшенію церковныхъ затрудненій. Съ той же государственной точки зрѣнія онъ обсуждалъ и возникавшіе въ церкви раздоры и раздѣленія; онъ видѣлъ въ нихъ бѣдствія политическаго характера, ослаблявшіе самые устои государственной жизни и открыто говорилъ, что споры церковные онъ почитаетъ хуже тягостной и страшной войны. Но чѣмъ болѣе Константинъ знакомился съ наличнымъ положеніемъ церковной дѣйствительности, тѣмъ менѣе она оправдывала его идеальныя представленія о церковномъ единствѣ. Еще на Западѣ споры съ донатистами, въ которыхъ онъ принялъ живое участіе, показали ему, что церковь сама нуждается въ умиротвореніи, прежде чѣмъ стать основой государственнаго единенія. Дѣло съ донатистами удалось нѣсколько уладить, и теперь тѣмъ большія надежды Константинъ возлагалъ на Востокъ. Какъ присоединеніемъ восточныхъ областей достигалось внѣшне

¹⁾ Eus. V. C., II, 65.

единство государства, такъ содѣйствіе восточныхъ церквей,—думалось Константину,—должно укрѣпить собой внутреннюю мощь и силу церкви. „Я вѣрилъ, — пишетъ Константинъ о восточныхъ епископахъ,—что вы будете вождями людей къ ихъ спасенію; чрезъ васъ я надѣялся доставить исцѣленіе другимъ“ ¹⁾.

Но Востокъ готовилъ императору болѣе жестокое разочарованіе, чѣмъ то, какое онъ пережилъ на Западѣ. Константинъ прибылъ сюда въ тотъ моментъ, когда аріанскіе споры, не сдерживаемые никакимъ внѣшнимъ авторитетомъ, достигли крайней степени развитія. „Не только предстоятели церквей вступали другъ съ другомъ въ пренія,—говоритъ объ этомъ времени Евсевій,—но и народъ раздѣлялся; ходъ этихъ событій дошелъ до такого неприличія, что божественное ученіе подверглось оскорбительнымъ насмѣшкамъ даже на языческихъ театрахъ“ ²⁾. Вѣсть о церковныхъ раздорахъ на Востокѣ глубоко поразила Константина; по словамъ Евсевія, онъ почелъ это дѣло своимъ собственнымъ несчастіемъ и немедленно принялъ мѣры къ его устраненію ³⁾. Впрочемъ, Константинъ не сразу постигъ важность тѣхъ событій, о которыхъ его извѣщали. Первые свѣдѣнія объ аріанскихъ спорахъ онъ получилъ изъ такихъ рукъ, для которыхъ было выгодно представить ихъ въ наименѣе серьезномъ видѣ. Константинъ самъ удостовѣряетъ насъ, что слухъ о разногласіяхъ между предстоятелями Востока достигъ до него въ то время, какъ онъ прибылъ въ столицу восточной половины имперіи—Никомидію ⁴⁾. Въ Никомидіи же разспрашивать о церковныхъ дѣлахъ онъ могъ только или мѣстнаго епископа Евсевія или кого-либо изъ сосѣднихъ сочувствовавшихъ ему епископовъ, такъ какъ сопровождавшіе его западные предстоятели едва-ли знали что-нибудь объ аріанствѣ. Это обстоятельство отразилось и на первоначальномъ отношеніи императора къ аріанству. Константинъ взглянулъ на споры, поднятые Аріемъ, поверхностно, такъ, какъ смотрѣли на нихъ и сами аріане. Онъ увидѣлъ въ нихъ одно пустое словопреніе

¹⁾ Eus., V. C., II, 67.

²⁾ Ibid., II, 61.

³⁾ Ibid., 63.

⁴⁾ Ibid., 72.

по маловажному и незначительному предмету, не имѣющему никакого жизненнаго значенія; разсуждать о такихъ вещахъ, по мнѣнію Константина, можно было развѣ только въ видахъ умственной гимнастики, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало давать имъ огласки, вносить въ общественныя собранія и ввѣрять слуху черни. Тѣмъ не менѣе Константинъ не могъ предоставить эти словопренія ихъ собственной участи; они рождали безпорядки въ Египтѣ, а волненія въ Египтѣ, служившемъ житницей имперіи, грозили политическою опасностью. Въ этихъ условіяхъ императоръ на первыхъ порахъ счелъ нужнымъ предложить спорившимъ сторонамъ свое посредничество и совѣтъ. Онъ обратился съ обширнымъ письмомъ къ Александру и Арію, которое цѣликомъ сохранилъ намъ Евсевій въ своей „жизни Константина“ ¹⁾. Излагая здѣсь свой общій взглядъ на бесполезность отвлеченныхъ споровъ, Константинъ винить въ начавшихся раздорахъ не Арія только, но и Александра. Александръ виноватъ тѣмъ, что далъ неосторожный и бесполезный вопросъ, Арій же отвѣтилъ на него и расторгъ общеніе. Слѣдуетъ одному простить неосторожный вопросъ, а другому необдуманный отвѣтъ. Императоръ рекомендуетъ имъ взять примѣръ съ философовъ, которые хотя и спорятъ между собою, но уживаются мирно. Притомъ Арій и Александръ стоятъ на общей почвѣ: оба признаютъ Божественное провидѣніе и Іисуса Христа, и потому примириться имъ легко. „Возвратите же мнѣ мирные дни и спокойные ночи,—заканчивалъ свое посланіе Константинъ,—дайте и мнѣ насладиться жизнію, позвольте, увидѣть васъ и вмѣстѣ вкусить радость всѣхъ другихъ народовъ“.

Вмѣстѣ съ письмомъ Константинъ отправилъ въ Александрію и своего посланца Осію или, вѣрнѣе, Осія, еп. кордубскаго, который долженъ былъ передать письмо и изслѣдовать все дѣло на мѣстѣ. Выборъ такого посланника показываетъ какъ политическую осторожность Константина, такъ и то значеніе, какое онъ придавалъ умиротворенію Александріи. Помимо того, что Осій, какъ западный епископъ, былъ не заинтересованъ въ аріанскихъ спорахъ и, слѣдовательно, оказывался наиболѣе пригоднымъ для примирительной мис-

¹⁾ Eus., V. C., II, 64—72.

сін, онъ выдавался еще изъ ряда другихъ епископовъ, какъ своими достоинствами, такъ и вліяніемъ на императора. Въ исторіи аріанскаго движенія вообще Осію выпала на долю передовая роль, такъ что ни одно крупное событіе необходимо безъ того или иного вліянія со стороны его. Это былъ придворный епископъ въ наиболѣе благородномъ значеніи этого слова. Родомъ изъ Испаніи, онъ въ теченіе около 60-ти лѣтъ (до 359 г.) занималъ епископскую кафедру Кордубы; въ діоклитіановское гоненіе онъ прославился, какъ исповѣдникъ за Христа ¹⁾. Константинъ вскорѣ же послѣ провозглашенія себя императоромъ призвалъ Осію къ своему двору и окружилъ его любовью и попеченіемъ. „Царь очень любилъ и уважалъ его“, — замѣчаемъ о кордубскомъ епископѣ Сократъ ²⁾. Въ христіанскомъ обществѣ были широко распространены представленія о безграничномъ вліяніи Осію на императора, и эти представленія подтверждались тѣмъ довѣріемъ, какимъ надѣлялъ его Константинъ въ разнаго рода порученіяхъ. Когда въ 313 году императоръ послалъ крупную денежную сумму въ помощь христіанамъ карагенской церкви, то онъ именно Осію поручилъ распредѣленіе этой суммы между нуждающимися по своему усмотрѣнію ³⁾. Равнымъ образомъ, когда Константинъ лично предсѣдательствовалъ на миланскомъ судѣ, составленномъ въ 316 году по дѣлу донатистовъ, и выслушивалъ ихъ жалобы, Осій былъ первымъ его совѣтникомъ, впоследствии свое осужденіе донатисты прямо приписывали совѣтамъ Осію ⁴⁾.—Ему было уже 67 лѣтъ, когда императоръ послалъ его съ новымъ порученіемъ въ Александрію. Осій исполнилъ возложенную на него обязанность безукоризненно. Правда, примирить ему противниковъ не удалось, зато изъ разслѣдованія споровъ онъ вынесъ убѣжденіе, что дѣло здѣсь идетъ не о пустякахъ, а угрожаетъ потрясеніемъ основъ христіанской вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшилъ въ Александріи и нѣкоторые другіе вопросы, связанные съ исторіей аріанства; такъ, напр., онъ призналъ, такъ называемыхъ,

¹⁾ См. Athan., Hist arian., 44. Migne, gr. s., t. 25., c. 744.

²⁾ Н. Е., 1, 7.

³⁾ Eus., Н. Е., X, 6.

⁴⁾ August. Contra Parm., 1, 8, 13, Migne, lat. s., t. 43, c. 43.

коллуеіанъ, т. е. пресвитеровъ, рукоположенныхъ отдѣлившимся отъ Александра Коллуеомъ, простыми мірянами, такъ какъ Коллуеъ, будучи самъ пресвитеромъ, не могъ рукополагать другихъ въ этотъ санъ ¹⁾).

Въ 324 году Осій возвратился къ императору и разъяснилъ ему всю серьезность аріанскаго движенія. Тогда Константинъ рѣшился созвать вселенскій соборъ.—Западный церковный историкъ, Сульпицій Северъ, и эту мысль Константина о созваніи вселенскаго собора приписываетъ вліянію и совѣтамъ Осія ²⁾. И безъ сомнѣнія, императоръ не приступилъ бы къ такому крупному шагу, не обмѣнявшись предварительно мнѣніями съ наиболѣе близкими ему епископами. Но едва-ли здѣсь нужно допускать какое-либо особое внушеніе со стороны, чтобы объяснить принятое Константиномъ рѣшеніе. Мысль о соборѣ, какъ наиболѣе надежномъ средствѣ къ улаженію церковныхъ затрудненій, *были знакома и близка* самому императору. Этимъ средствомъ Константинъ пользовался еще на Западѣ, когда ему приходилось обсуждать вопросъ о донатизмѣ. По его именному приказанію тогда былъ составленъ небольшой соборъ въ Римѣ для разсмотрѣнія жалобъ донатистовъ; а такъ какъ донатисты, вслѣдствіе малочисленности членовъ собора, не удовлетворились его рѣшеніемъ, то императоръ повелѣлъ снова собраться собору въ Арелатѣ „изъ весьма многихъ епископовъ разныхъ и безчисленныхъ мѣстъ“, по его собственному выраженію ³⁾. Такимъ образомъ, опытъ, лично прѣжитый Константиномъ, указывалъ ему въ собраніи епископовъ наилучшій путь къ умиротворенію церкви. Впослѣдствіи созывъ соборныхъ совѣщаній по вопросамъ церковнымъ императоръ прямо ставилъ принципомъ своей религіозной политики въ отношеніи къ христіанству; „нельзя,—говоритъ онъ въ посланіи къ церквамъ о никейскомъ соборѣ,—установить твердаго и неизмѣннаго порядка, пока не сойдутся въ одно мѣсто всѣ или, по крайней мѣрѣ, многіе епископы и не разсмотрятъ cadaго предмета, относящагося къ божественной вѣрѣ“ ⁴⁾.

¹⁾ Ath. ap. c. arian., 74: Migne, gr. s., t. 25, c. 381.

²⁾ Chron., II, 40: Corp. script. eccles. latin., v. 1, p. 93. 94 Vindobonnae, 1866.

³⁾ Eus. H. E., X, 5.

⁴⁾ Eus., V. C., III, 17.

При этомъ идея вселенскаго собора,—собора, по возможности изъ всѣхъ предстоятелей церкви,—навязывалась императору сама собой,—при одномъ взглядѣ на положеніе дѣлъ Востока. Ходъ событій, предшествовавшій пріѣзду Константина въ Никомидію, ясно показывалъ ему, что восточныя церкви не могутъ справиться своими средствами съ охватившимъ ихъ раздоромъ; спорящія партіи здѣсь сгруппировались, голоса были подобраны, пути къ примиренію отрѣзаны; всякій соборъ, составленный изъ однихъ только заинтересованныхъ распрями епископовъ, окончился бы еще болѣе сильнымъ раздѣленіемъ церквей, подобно соборамъ въ Александріи, Византіи и Палестинѣ. Съ другой стороны, Константину было извѣстно, что кромѣ аріанства въ церкви существовалъ еще рядъ другихъ предметовъ, требовавшихъ себѣ общаго и единодушнаго рѣшенія. Таковы были вопросы о празднованіи Пасхи, о принятіи въ церковь падшихъ въ послѣднее гоненіе, мелетіанскій расколъ въ Египтѣ и нѣкоторыя другія мелочи церковной практики. „Размысливъ все это,—пишетъ Евсевій ¹⁾),—царь рѣшилъ, что по этому случаю должно идти войною противъ врага, возмущавшаго церковь, и какъ бы уготовляя противъ него полкъ, созвалъ вселенскій соборъ“.—Столь же близка была мысль о соборѣ и церковному сознанію. Съ половины втораго вѣка церковь привыкла рѣшать возникавшія въ ней болѣе важныя затрудненія путемъ соборовъ; при императорахъ—язычникахъ то было по большей части соборы мѣстные, малочисленные; однако уже и въ эпоху гоненія въ тѣхъ случаяхъ, когда христіане пользовались сравнительной свободой и безопасностью, они достигали довольно грандіозныхъ размѣровъ. Напр. антїохійскій соборъ противъ Павла самосатскаго по своимъ внѣшнимъ признакамъ ничѣмъ не отличался отъ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ вселенскихъ соборовъ; это былъ соборъ довольно многочисленный въ своихъ членахъ; на немъ присутствовали представители важнѣйшихъ церквей Востока, и окружающее посланіе, изданное имъ, принято было всею церковью. Антїохійскій соборъ хорошо помнили на Востокѣ и его постановленія были извѣстны многимъ дѣятелямъ, заявившимъ о себѣ въ исторіи аріанства. Неудивительно, поэтому, что

¹⁾ Ibid., 5. 6.

мысль Константина о созваніи вселенскаго собора была принята общимъ одобреніемъ, и ея осуществленіе не встрѣтило никакихъ препятствій для себя, несмотря на ту поспѣшность, съ какою Константинъ принялся приводить эту мысль въ дѣло. Объявленіе о соборѣ не могло быть издано ранѣе второй половины 324-го года, а между тѣмъ весной 325-го уже состоялось его открытіе.

Первоначально, какъ мы видѣли, Константинъ имѣлъ намѣреніе собрать соборъ въ Анкирѣ галатійской, но рядъ соображеній, которыя онъ самъ высказываетъ въ пригласительномъ письмѣ, напечатанномъ у Питры, побудилъ его измѣнить свое намѣреніе и мѣстомъ собора назначить Никею. Во-первыхъ, для епископовъ Италіи и Европы скорѣе можно сюда пріѣхать; затѣмъ, въ Никеѣ больше свободныхъ зданій, въ которыхъ могутъ епископы помѣститься, и, наконецъ, самому императору ближе и удобнѣе слѣдить за занятіями въ соборѣ ¹⁾. И дѣйствительно, Никея по особенностямъ своего географическаго положенія наиболѣе была пригодна для такого большаго собранія, какъ первый вселенскій соборъ. Никея, теперь Исникъ (*eis-nikaí—av*), бѣдное поселеніе въ 1500 жителей, тогда была богатымъ и цвѣтушимъ торговою городомъ. Достаточная обширность ея размѣровъ и свободный императорскій дворецъ, находившійся здѣсь, обезпечивали необходимое помѣщеніе для всѣхъ предполагавшихся членовъ собора. Никея лежала вблизи моря, съ которымъ она сообщалась посредствомъ озера, и была одинаково хорошо доступна, какъ съ моря, такъ и съ суши. Къ тому-же она отстояла отъ Никомидіи всего на 20 миль и, такимъ образомъ, позволяла императору безъ большихъ затрудненій слѣдить за дѣятельностью собора. Быть можетъ, на выборъ Никеи мѣстомъ собора оказало вліяніе и самое имя этого города, на что намекаетъ Евсевій, говоря, что для собора назначенъ былъ городъ, соименный побѣдѣ ²⁾. Константинъ сдѣлалъ все, чтобы облегчить созываемымъ епископомъ путешествіе въ Никею и пребываніе тамъ во время самого собора. Въ эпоху Константина римское государство уже владело хорошими, устраиваемыми на счетъ казны, дорогами

¹⁾ Pitra, Anal. sacra, IV, 82. 83. 452.

²⁾ Eus., V. C., III, 6.

и прекрасно организованнымъ почтовымъ дѣломъ. Императоръ распорядился, чтобы путешествующимъ на соборъ епископамъ предоставлялись безвозмездно казенныя почтовые лошади; тѣмъ же епископамъ, путь которыхъ лежалъ мимо почтовыхъ дорогъ, онъ приказалъ доставлять вьючныхъ животныхъ. Точно также и содержаніе прибывшихъ въ Никею епископовъ Константинъ принялъ на счетъ казны ¹⁾.

Срокъ, къ которому епископы приглашались явиться въ Никею, точно неизвѣстенъ. Несомнѣнно только то, что первый вселенскій соборъ состоялся въ консульство Аниція Павлина и Аниція Юліана, въ 636-мъ году эры Александра Великаго, т. е. въ 325-мъ году по Рождествѣ Христовѣ ²⁾. Что касается въ частности до мѣсяцевъ и дней его засѣданій, то относительно ихъ источники доставляютъ намъ различныя даты. По Сократу, который имѣлъ подъ своими руками списокъ никейскихъ постановленій въ редакціи Аванасія александрійскаго, соборъ открытъ былъ 20-го мая названнаго года ³⁾. Но въ экземплярѣ никейскаго символа, прочитаннаго на халкидонскомъ соборѣ епископомъ никомидійскимъ Евноміемъ (и занесеннаго въ акты этого собора) стояла другая помѣтка, указывавшая на 13-й день іюльскихъ календъ, т. е. на 19-ое іюня, какъ день собранія никейскихъ отцовъ ⁴⁾. Та же дата стоитъ въ сирскихъ актахъ и въ хроникѣ александрійской. Наконецъ, въ одномъ кодексѣ, приписываемомъ Атику константинопольскому, которымъ пользовался Бароній, продолжительность никейскаго собора опредѣлялась отъ 14-го іюня до 25-го ⁵⁾ августа. Такъ какъ ни одна изъ упомянутыхъ сейчасъ датъ не можетъ быть заподозрѣна на серьезныхъ основаніяхъ, то обыкновенно принимаютъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Полагаютъ, что 20-ое мая, указываемой Сократомъ, обозначаетъ собой срокъ, къ которому епископы должны были прибыть въ Никею, 14-го іюня послѣдовало официальное открытіе собора самимъ царемъ; 19-го іюня на особо торжественномъ засѣданіи былъ составленъ символъ, а 25-го августа соборъ объявленъ былъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Soer., H. E., 1, 13.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Mansi, Collectio cons., VI, 955.

⁵⁾ Baron ad 325 ann.

закрытымъ ¹⁾. Такимъ образомъ, первый вселенскій соборъ продолжался въ теченіи трехъ мѣсяцевъ и 5 дней. Послѣдній терминъ—25-ое августа—косвенно подтверждается и разсказомъ Евсевія о заключительномъ собраніи никейскихъ отцовъ; оно состоялось во дворцѣ императора по поводу падавшего на это время 20-лѣтняго юбилея его царствованія ²⁾, а такъ какъ Константинъ провозглашенъ былъ императоромъ въ началѣ осени 306 года, то 25-е августа хорошо отвѣчаетъ этому разсказу Евсевія.

Надо думать, что пригласительныя грамоты были разосланы, по возможности, ко всѣмъ епископамъ римской имперіи, но понятно, что далеко не всѣ они могли дѣйствительно явиться на соборъ. Свѣдѣнія древности о числѣ участниковъ перваго вселенскаго собора вообще очень недостаточны. Самымъ лучшимъ средствомъ для подсчета членовъ собора должны были бы служить ихъ подписи подъ соборнымъ опредѣленіемъ; такихъ подписей дошло до насъ нѣсколько и въ различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ древнѣйшими являются сирская, начала VI вѣка, и греческая, принадлежащая перу Θεодора Чтеца, церковнаго историка, жившаго въ половинѣ шестого вѣка. Въ настоящее время всѣ эти списки никейскихъ отцовъ соборныя, обслѣдованы и напечатаны въ превосходномъ изданіи, выпущенномъ въ 1898 г. студентами филологической семинаріи Іенскаго университета подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго Гельцера ³⁾. Специальное разсмотрѣніе этихъ подписей, сдѣланное Lübeck'омъ ⁴⁾, доказало ихъ полную достовѣрность. Но несомнѣнно, что эти списки неполны, въ чемъ соглашается и Lübeck. Напечатанный въ изданіи Гельцера *codex restitutus*, происхожденія котораго восходитъ до Аѳанасія александрійскаго ⁵⁾, доводитъ число никейскихъ отцовъ до 220 ⁶⁾, но

¹⁾ Hefele. *Consiliengeschichte*, 1, 314.

²⁾ Eus., V. C., III, 15.

³⁾ *Patrum nicaenorum nomina. Scriptores sacri et profani*, fasc. II, Lipsiae, 1898.

⁴⁾ Lübeck. *Reichstheilung und kirchliche Hierarchie des Orients*. Münster. 1901 г.

⁵⁾ Историкъ Сократъ приводитъ вачало подлинныхъ подписей, которыя онъ извлекъ изъ экземпляра никейскихъ постановленій, принадлежавшаго Аѳанасію александрійскому (Н. Е., 1, 13).

⁶⁾ *Patrum nic. nom.*, p. LX—LXIV.

изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ еще цѣлый рядъ лицъ, несомнѣнно присутствовавшихъ на соборѣ, но не внесенныхъ въ списки ¹⁾. Замѣчательно, что сами участники собора весьма мало интересовались точнымъ числомъ присутствовавшихъ на немъ епископовъ. Они опредѣляютъ его круглыми цифрами; Евсевій насчитываетъ всего 250 епископовъ ²⁾, Евстаѳій—270 ³⁾; императоръ Константинъ говорить о трехстахъ ⁴⁾; то же число указываетъ и Аѳанасій александрійскій ⁵⁾ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ и только въ посланіи въ Африку ⁶⁾ онъ въ первый разъ останавливается на цифрѣ 318-ти, ставшей съ тѣхъ поръ традиціонной. Эта цифра привлекла къ себѣ христіанскую традицію своимъ мистическимъ значеніемъ; она напоминала собой 318 вѣрныхъ рабовъ Авраама, о которыхъ рассказываетъ Библія, и въ своемъ греческомъ начертаніи (τιν) соединяла крестъ и имя Іисуса. Вслѣдствіе этого она скоро вытѣснила всѣ другія цифры и настолько прочно утвердилась въ преданіи, что и самый никейскій соборъ стали называть не иначе, какъ соборомъ 318-ти отцовъ. Епифаній, Θεодоритъ, Амвросій, Геласій, Руфинъ уже знаютъ только эту цифру. Если признать вѣроятными вычисленія Бингама, что ко времени перваго вселенскаго собора во всей церкви было до 1800 епископовъ ⁷⁾, то и при этой цифрѣ окажется, что только шестая часть вселенскаго епископата дѣйствительно присутствовала на соборѣ. Позднѣйшая молва приписала грандіозные размѣры первому вселенскому собранію епископовъ; въ коптскихъ актахъ собора, въ общемъ безусловно неподлинныхъ, число всѣхъ членовъ собора доводится до 2000 ⁸⁾. Однако, если коптскіе документы считаютъ не

¹⁾ Перечень ихъ см. *ibid.*, с. XII. Но это отсутствіе нѣкоторыхъ лицъ, въ дошедшихъ до насъ спискахъ, не лишаетъ ихъ подлинности. Аѳанасій, по всей вѣроятности, предпринялъ реконструкцію постановленій никейскаго собора въ 362 г., когда изъ его памяти легко могли исчезнуть многія имена.

²⁾ V. C., III, 8.

³⁾ *Socr.* I, 9.

⁴⁾ *Theodor.*, H. E., I, 6.

⁵⁾ См. *Ath. ep. ad mon.* 66; *de syn.* 43; *apol. c. arian.* 23 и др.

⁶⁾ n. 2; *Migne*, gr. s., t. 26, col. 1032.

⁷⁾ См. Гиббонъ. *Исторія упадка и разрушенія римской имперіи*. II, 382.

⁸⁾ *Hefele. Consiliengesch.*, I, 380.

однихъ епископовъ, но и всѣхъ явившихся въ Никею по поводу собора, то ихъ цифра не такъ невѣроятна, какъ это кажется на первый взглядъ. Епископы ѣхали въ Никею не одни, а въ сопровожденіи пресвитеровъ и прислуги. Когда Константинъ созывалъ западныхъ епископовъ на соборъ въ Арелатъ, то формально распорядился, чтобы каждый епископъ бралъ съ собой двухъ пресвитеровъ и трехъ слугъ¹⁾. Допуская, что и на никейскій соборъ епископы являлись съ такой же свитой, мы, дѣйствительно, и получимъ цифру всѣхъ съѣхавшихся въ Никею, весьма близкую къ 2000.

3. Догматическая дѣятельность перваго вселенскаго собора осуществлялась двоякимъ образомъ: при помощи частныхъ, не имѣвшихъ officialнаго характера, собраній съѣхавшихся въ Никею епископовъ и посредствомъ особыхъ торжественныхъ, происходившихъ въ присутствіи императора, засѣданій, на которыхъ подачею *гословъ* *указывалось* обязательное для всей церкви рѣшеніе спорнаго вопроса. Частныя собранія начались еще до открытія собора и сопровождали собой всѣ его догматическія занятія. Во внутреннемъ ходѣ соборныхъ совѣщаній они имѣли очень важное значеніе. Они именно обезпечили участникамъ собраній ту свободу обсужденія, за которую церковная традиція справедливо возвела соборъ 318 отцовъ въ идеаль христіанскаго безпристрастія въ изслѣдованіи вопросовъ вѣры. На частныхъ собраніяхъ никейскихъ отцовъ царилъ полная непринужденность; сюда допускались не только епископы, свидѣтельствовавшіе вѣру своихъ мѣстныхъ церквей, но и низшіе клирики и простые міряне. Каждый здѣсь на одинаковыхъ правахъ съ другими могъ беззастѣнливо высказывать свои убѣжденія, пропагандировать взгляды и вербовать себѣ сторонниковъ. Прибывшіе изъ отдаленныхъ странъ Востока и Запада епископы, на мѣсто служенія которыхъ, быть можетъ, совсѣмъ не проникалъ слухъ объ аріанскихъ спорахъ, знакомились теперь съ ученіемъ Арія и Александра, обмѣнивались мыслями и заранее группировались въ опредѣленныя партіи. Для діалектиковъ, равно какъ для людей научнаго убѣжденія и сильныхъ вѣрой, эти частныя собранія открывали просторное поле къ тому, чтобы блеснуть

¹⁾ Eus. H. E., 1, 5.

своими талантами, помѣряться силами и приобрести союзниковъ. Изъ среды защитниковъ православія они скоро выдвинули на передовое мѣсто Аѳанасія, молодого діакона александрійской церкви, которому древнія извѣстія приписываютъ большое вліяніе въ развитіи соборныхъ разсужденій, но который, какъ діаконъ, не принималъ участія въ официальныхъ засѣданіяхъ соборовъ и могъ выдѣляться только на этихъ частныхъ собраніяхъ. „И Арія,—пишетъ историкъ Созоменъ,—епископы часто вводили на средину и ревностно испытывали его положенія въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы, подавая мнѣнія въ пользу той или другой стороны, не сказать чего-либо опрометчиво“ ¹⁾. Такимъ образомъ, на частныхъ собраніяхъ въ сущности уже былъ исчерпанъ тотъ спорный вопросъ о вѣрѣ, ради котораго епископы призывались въ Никею; возрѣнія противниковъ выяснились, средства борьбы опредѣлились, партіи сформировались. Въ торжественное засѣданіе собора въ присутствіи императора произошло только, такъ сказать, генеральное сраженіе, но исходъ его намѣченъ былъ еще на подготовительныхъ собраніяхъ.

Къ началу торжественныхъ засѣданій среди участниковъ собора можно было подмѣтить четыре различныя догматическія теченія или четыре неравномѣрныя группы епископовъ, разнившіяся по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ. Наиболѣе обособленную и обращающую на себя вниманіе партію составляли сторонники Арія во главѣ съ Евсевіемъ, епископомъ никомидійскимъ. Число ихъ было невелико, хотя съ точностью оно и не указано въ источникахъ: Руфинъ ²⁾ и Созоменъ ³⁾ говорятъ, что сторону Арія принимало 17 епископовъ, а Филосторгій насчитываетъ—22 ⁴⁾. Но аріанскій историкъ несомнѣнно преувеличиваетъ силу своей партіи, такъ какъ включаетъ въ счетъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ епископовъ, которые умерли еще до разгара спора и потому съ одинаковымъ правомъ привлекались на свою сторону и аріанами и православными ⁵⁾. Если имѣть въ виду еписко-

¹⁾ Н. Е., IX, 9.

²⁾ Rufin, Н. Е., I, V. Migne, lat. s., t. 21, c. 472.

³⁾ Н. Е., I, 23.

⁴⁾ См. Supplem. Philost., Migne, gr. s., t. 65, cc. 623. 624.

⁵⁾ См. Gwatkin, Studies ot. arianism. Cambridge, 1900, s. 34.

повъ—аріанъ, названныхъ въ источникахъ по имени, то нельзя не согласиться съ Руфиномъ, что число ихъ не превышало 17-ти. Основное ядро это-группы образовывали собой епископы, вышедшіе изъ антиохійской школы и славившіеся своими связями съ основателемъ этой школы, знаменитымъ мученикомъ, пресвитеромъ Лукіаномъ, такъ что по преобладающимъ въ ея составѣ элементамъ и всю аріанствующую группу на соборѣ можно назвать кружкомъ богослововъ—лукіанистовъ. Кромѣ Евсеія никомидійскаго сюда принадлежали епископы трехъ городовъ, прославленныхъ вселенскими соборами,—Теогнисъ никейскій, Минофанъ ефесскій и Марій халкидонскій; затѣмъ, Аѳанасій аназарбарскій, Антоній тарскій, Патрофилъ скиеопольскій, Павлинъ тирскій и др. Въѣствъ съ лукіанистами сторону Арія держали и всѣ семь ливійскихъ епископовъ, явившихся на соборѣ, которыми, быть можетъ, руководило въ этомъ случаѣ простое чувство землячества въ отношеніи къ александрійскому пресвитеру. Не будучи многочисленной, аріанствующая группа не могла похвалиться и единствомъ своихъ убѣжденій; ее связывали скорѣе общія богословскія тенденціи, чѣмъ точно выработанныя догматическія формулы. Въ центральномъ вопросѣ объ отношеніи Сына Божія къ Отцу члены этой партіи держались неодинаковыхъ мнѣній; такъ, Евсеій никомидійскій готовъ былъ, вопреки Арію, согласиться, что Сынъ равенъ Отцу, Теогнисъ никейскій говорилъ, что Отецъ и до рожденія Сына былъ Отцомъ, такъ какъ имѣлъ намѣреніе родить Его и т. д. ¹⁾ Но ни численная незначительность, ни отсутствіе единства въ убѣжденіяхъ не колебали надеждъ аріанствующихъ епископовъ на побѣду. Аріане шли на соборъ и держали на немъ себя смѣло и увѣренно. Ничто, повидимому, не предвѣщало имъ, что ихъ дѣлу предстоитъ полный и всесторонній разгромъ; напротивъ, многіе признаки говорили въ пользу ихъ и пророчествовали имъ успѣхъ. Они имѣли связи во дворцѣ чрезъ Констанцію, сестру императора; главою ихъ былъ столичный епископъ; епископъ города, въ которомъ происходилъ соборъ, также числился въ рядахъ ихъ; большинство членовъ ихъ партіи состояло изъ людей образованныхъ, увѣренныхъ въ своей

¹⁾ Philost., H. E., II, 15.

діалектической силѣ и пользовавшихся моральнымъ вліяніемъ на Востокѣ. Аріане могли основательно разсчитывать, что если большинство епископовъ и не согласится принять ихъ воззрѣнія, то во всякомъ случаѣ ихъ дѣло будетъ признано правымъ, и они унесутъ изъ Никеи славу нравственной побѣды. Въ сущности едва ли аріане и на самомъ дѣлѣ стремились когда-либо сдѣлать свое ученіе общеобязательнымъ въ церкви. Это были богословы—либералы, въ догматическихъ вопросахъ видѣвшіе не предметъ вѣры, а область научнаго изслѣдованія. Все, чего они хотѣли добиться, состояло въ томъ, чтобы обезпечить свободу этого изслѣдованія отъ всякихъ внѣшнихъ предписаній и предоставить его собственнымъ усиліямъ и усмотрѣнію каждаго христіанина. Поэтому и въ своей средѣ они охотно терпѣли разницу убѣжденій и ни ранѣе, ни послѣ никейскаго собора не подвергали анаемѣ лицъ за одни догматическія воззрѣнія, если они не были уже прежде осуждены церковью. Такъ у Александра alexandрійскаго они искали только принятія Арія въ церковь, но не согласія на ихъ ученіе. Замѣчательно также, что и Аѳанасій alexandрійскій ни разу не былъ обвиняемъ аріанами за свою догматику; онъ терпѣлъ изгнанія по совершенно другимъ обвиненіямъ, не имѣющимъ отношенія къ догматической области. Аріане, такимъ образомъ, предъявляли собору мѣнимыя возможныхъ требованій и тѣмъ легче надѣялись получить отъ него полное удовлетвореніе.

Другую, столь же выдающуюся, богословскую группу среди участниковъ собора составляли образованные защитники православія, хорошо понимавшіе, въ чемъ состоитъ сущность аріанской ереси и какими средствами должно было бороться противъ нея. Эта группа слагалась изъ мужей весьма почтенныхъ, стоявшихъ на верху церковной жизни, глубоко религіозныхъ и истинно просвѣщенныхъ, наслѣдовавшихъ славу въ исторіи церкви. Въ нее входили: Осій кордубскій, Александръ alexandрійскій, Евстаѳій антиохійскій, Макарій іерусалимскій, Маркеллъ анкирскій и др. ¹⁾ По своему историческому положенію эта группа богослововъ являлась на соборѣ прямою противоположностью аріанствующей партіи и

¹⁾ Socr., H. E., 1, 8; 1, 67; Theodor., H. E., 1, 17; Rufin, H. E., 1, 4, 5; Ath., histor. arian., 12.

была самымъ энергичнымъ и убѣжденнымъ ея врагомъ. Неуклонно держась почвы церковнаго преданія и вѣроученія, отцы этой группы не были, однако, слѣпыми консерваторами и не думали, что однихъ „древнихъ мифій“ достаточно для отверженія аріанства. Философское образованіе давало имъ возможность ясно видѣть недостаточность существовавшихъ въ церкви догматическихъ формулъ, и они выступали на соборѣ съ нѣкотораго рода новшествомъ; они хотѣли создать такое изложеніе вѣры, которое не могло бы подвергаться никакимъ перетолкованіямъ, которое въ совершенной точности выражало бы церковное ученіе и было обязательно для каждаго христіанина. При этомъ они не только не останавливались предъ мыслью внести въ проектируемое изложеніе новыя понятія, — такія, которыя еще не пользовались правомъ гражданства въ современномъ имъ богословскомъ языкѣ, а напротивъ, видѣли въ нихъ единственно пригодное средство для борьбы съ Аріемъ. Ихъ лозунгомъ были термины *ἐκ οὐσίας* (изъ сущности т. е. Отца) и *ὁμοούσιος* (единосущный), въ корнѣ подрывавшіе аріанскую доктрину. — Въ глазахъ прочихъ членовъ собора богословы этой фракціи обладали великимъ нравственнымъ авторитетомъ и отчасти держали въ своихъ рукахъ руководство общими засѣданіями собора, но это ихъ вліяніе умѣрялось другими сторонами дѣла. Ихъ численность была невысока и едва ли многимъ превосходила численность аріанствующихъ епископовъ; да и задача ихъ была не легка. Ихъ требованія къ собору оказывались выше и сложнѣе, чѣмъ требованія аріанствующихъ; они искали у собора не формальнаго только оправданія, но стремились къ положительному торжеству, ждали отъ него полнаго и безусловнаго утвержденія своего ученія. Это въ значительной степени уравнивало ихъ шансы на успѣхъ съ партіей аріанствующихъ.

Взятая вмѣстѣ, обѣ названныя богословскія группы составляли собой лишь небольшую часть собора, не превышавшую $\frac{1}{6}$ доли общаго количества его членовъ; и потому не отъ нихъ зависѣло то окончательное постановленіе, къ какому долженъ былъ прійти соборъ. Въ процессѣ догматическихъ разсужденій собора обѣ онѣ являлись скорѣе тяжущимися сторонами, чѣмъ судьями, опредѣляющими исходъ дѣла. Рѣшающее значеніе принадлежало третьей, самой

многочисленной группѣ отцовъ, обнимавшей собой большинство собора, центральную массу его. Составъ этой группы былъ очень разнообразенъ, но она отличалась двумя общими характеристическими чертами. Это были, во-первыхъ, люди высокаго нравственнаго характера, подвижники вѣры и благочестія, въ увѣчьяхъ своего тѣла часто представлявшіе жизненную исторію послѣдняго гоненія на христіанство ¹⁾. Во-вторыхъ, всѣ они были епископы простые, безъ школьнаго богословскаго образованія, чуждавшіеся всякихъ діалектическихъ изслѣдованій въ области вѣры. Въ вопросахъ догматическихъ они руководились не столько яснымъ сознаніемъ несостоятельности той или другой формулы, сколько непосредственнымъ религіознымъ чутьемъ, жившимъ въ ихъ душѣ. Это чутье и опредѣлило собой какъ отношеніе ихъ къ аріанству, такъ и судьбу аріанствующей партіи на соборѣ. Для непосредственнаго ихъ чувства было ясно, что каковы бы ни были логическія достоинства аріевой системы, она въ конечныхъ своихъ выводахъ приводитъ къ такимъ положеніямъ, которыя противорѣчатъ и ихъ вѣрѣ и церковному преданію, и этого было достаточно для того, чтобы они рѣшительно отвернулись отъ аріанъ, строго осудили ихъ. Для лукіановскаго кружка эти простецы по вѣрѣ были тѣмъ болѣе опасны, что ихъ трудно было запугать какими-либо діалектическими изворотами, такъ какъ они совѣмъ не цѣнили подобныхъ пріемовъ и не знали ихъ. Но раздѣляя съ образованными защитниками православія негодованіе въ отношеніи къ аріанству, эта наибольшая группа епископовъ нелегко соглашалась на тѣ средства, какими первые хотѣли устроить аріево ученіе. Средства эти казались имъ слишкомъ радикальными, смѣлыми, не отвѣчающими преданію; ихъ смущали такія слова, какъ *ἐκ οὐρα* или *ἀποοὐρα*, не значащіяся въ Св. Писаніи и не имѣвшія точно установленнаго смысла. Они видѣли въ нихъ нововведеніе въ преданную отъ древности вѣру и совѣтовали не выходить изъ области древнѣйшихъ мнѣній. Такія мысли они проводили на частныхъ собраніяхъ и на самомъ соборѣ, и только невозможность подыскать другія выраженія, не поддающіяся перетолкованіямъ, убѣдила ихъ въ необходимости принять эти

¹⁾ Ср. Eus., V. C., III, 9.

термины. Къ этому же консервативному большинству собора принадлежала въ существѣ дѣла и четвертая группа участвовавшихъ въ немъ епископовъ, стоявшая подъ главенствомъ Евсевія, еп. кесарійскаго. Какъ велико было число членовъ этой группы—сказать нельзя, но что Евсевій кесарійскій выступалъ на соборѣ не въ одиночествѣ, это видно изъ посланія его къ своей паствѣ. Сторонники кесарійскаго богослова точно такъ же, какъ и простые епископы, держались почвы преданнаго, но ихъ консерватизмъ относился болѣе къ области богословской науки, чѣмъ къ области вѣры. Они были образованные люди, по большей части испытавшие сильное вліяніе отъ сочиненій Оригена и склонявшіеся къ субординаціонизму въ ученіи о Троицѣ. Они представляли собой, такъ сказать, предшествовавшую стадію богословскаго развитія, старую школу богослововъ и не хотѣли сходить съ той позиціи.—По сравненію съ первыми тремя группами епископовъ, партія Евсевія въ своихъ воззрѣніяхъ заключала много примирительныхъ элементовъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ никейскіе отцы. Она не сочувствовала ученію Арія и отвергала рѣзкія его формулы,—это мирило ее съ образованными защитниками православія; свои убѣжденія она излагала въ терминахъ, заимствованныхъ изъ Писанія,—это сближало ее съ настроеніемъ господствующей группы; наконецъ, общность и растяжимость ея терминологіи согласовалась съ намѣреніемъ аріанствующихъ. По этимъ своимъ чертамъ она могла рассчитывать на широкое вліяніе во время соборныхъ засѣданій.—Такова была взаимная группировка съѣхавшихся въ Никею епископовъ, опредѣлившаяся еще въ теченіе частныхъ собраній, и она обусловила собой ходъ официальныхъ совѣщаній.

Задача официальныхъ засѣданій собора, происходившихъ въ нарочито торжественной обстановкѣ и въ присутствіи царя состояла въ томъ, чтобы прежде всего подвергнуть разсмотрѣнію аріанскія воззрѣнія, а затѣмъ выразить церковное ученіе о Сынѣ Божіемъ въ точной и общеобязательной формулѣ. Отрицательная сторона этой задачи достигалась сама собой, безъ затратъ труда и времени, такъ какъ отношеніе большинства собора къ аріанству достаточно выяснилось на предварительныхъ собраніяхъ. Когда наступилъ день, назначенный императоромъ для изслѣдованія вѣры,—

а это былъ день воскресный ¹⁾, — и послѣ привѣтственной рѣчи Константина засѣданіе было открыто ²⁾, то догматическія разсужденія собора тотчасъ же и начались выслушиваніемъ заявленій аріанствующей партіи. Эта партія была истинной виновницей развившихся въ церкви смутъ и главной причиною созванія собора; поэтому и отцамъ собора естественно было заняться съ самаго начала обсужденіемъ ея ученія, потребовать отъ нея объясненій и отчета. Такой отчетъ представилъ собору глава этой партіи—Евсевій никомидійскій ³⁾ въ видѣ символа (*πίστεως διδασκαλία*), заключавшаго въ себѣ радикальныя формулы аріанства. Въ немъ значилось, что „Сынъ Божій—произведеніе и тварь“, что было время, когда не было Сына, что Сынъ измѣняемъ по существу и т. д. Но лишь только приступили къ чтенію этого символа, какъ оказалось, что изложенная въ немъ вѣра не нуждается ни въ какомъ подробномъ разсмотрѣніи. Подготовленные частными собраніями отцы собора единодушно отвергли его: они признали аріанское ученіе противорѣчащимъ Писанію, исполненнымъ лжи, вреднымъ и безобразнымъ и разорвали самый символъ. Аріанство, такимъ образомъ, было быстро и безповоротно осуждено на соборѣ, и для отцовъ собора настало время выполнить другую положительную свою задачу. Разъ техническія выраженія аріанства они подвергли рѣшительному осужденію, то имъ необходимо было теперь найти такіе термины, которые въ совершенствѣ излагали бы въ себѣ церковное ученіе, но на пути къ достиженію этой важнѣйшей задачи они встрѣтили рядъ неожиданныхъ трудностей, разсказъ о которыхъ составляетъ любопытнѣйшую страницу Аѳанасіева повѣствованія о никейскихъ дѣяніяхъ ⁴⁾. Сообразно настроенію, преобладавшему среди членовъ собора, отцы начали свои изысканія тѣмъ, что остановились на выраженіяхъ, освященныхъ древностью

1) Socr. H. E., 1, 19.

2) V. C., III, 10.

3) Такъ именно дѣло и представляется въ разсказѣ Θεодорита о дѣяніяхъ никейскаго собора, заимствованныхъ изъ сочиненій Евстація (H. E., 1, 6).

4) Свѣдѣнія о дѣяніяхъ никейскаго собора см. Аѳанасія сочиненія объ „Опредѣленіяхъ никейскаго собора“ и „Посланіе къ африканскимъ епископамъ“ и Θεодорита. H. E., 1, 6.

и прямо заимствованныхъ изъ Св. Писанія. Такая постановка на первый взглядъ представлялась самою близкою и наиболѣе отвѣчающей цѣли, такъ какъ формулы аріанскаго символа потому и вызвали негодованіе отцовъ, что они не имѣли себѣ аналогій въ Св. Писаніи. Скоро, однако, обнаружилось, что этотъ полемическій приѣмъ недостаточенъ, что онъ основывается въ сущности на неясномъ пониманіи аріанской позиціи. Аріане не отвергали ни книгъ Св. Писанія, ни тѣхъ мѣстъ, какія противники приводили въ обличеніе ихъ; они только толковали ихъ по своему. Поэтому, когда отцы собора выставляли взятую изъ Писанія формулу, аріанствующие охотно соглашались на нее, но вкладывали въ нее свой смыслъ. Такъ, отцы собора первоначально остановились на формулѣ „Сынъ отъ Бога“, и аріане заявили полное согласіе на нее, прибавивъ только съ своей стороны, что и все другое отъ Бога, потому что единъ Богъ, изъ Него же вся (1 Кор. 8, 6). Тогда защитники православія обратились къ выраженію Апостола, въ которомъ Сынъ именуется силою Божіей, и аріане опять съ готовностью приняли его; и прузиз (гусеница),—говорили они,—называются силою Божіей. Не помогла отцамъ собора и болѣе точная формула апостола, что Сынъ есть сіяніе славы и образъ ипостаси Отца, такъ какъ оказалось, что и о простыхъ людяхъ Писаніе употребляетъ тѣ же самыя выраженія. Подобнымъ образомъ былъ принятъ аріанами и перетолкованъ въ своемъ духѣ и рядъ другихъ библейскихъ изреченій, въ которыхъ отцы склонны были видѣть точное отраженіе церковнаго ученія. Въ этихъ дебатахъ отцовъ собора съ аріанствующими отразилась разница, раздѣлявшая alexandрійскихъ богослововъ отъ антиохійцевъ въ области экзегезиса. Наклонный къ созерцанію, alexandрійскій экзегетъ существенно иначе понималъ библейскія изреченія, чѣмъ положительный антиохіецъ; ко времени перваго вселенскаго собора alexandрійская экзегетика уже отказалась отъ того крайняго аллегоризма, какимъ характеризуются сочиненія Оригена и пользовалась тѣми же приѣмами герменевтики, которые господствовали и въ антиохійской школѣ; только она направляла эти приѣмы къ инымъ цѣлямъ. Александрійцы сопоставляли параллельныя мѣста Библии и разъясняли ихъ контекстъ, но не съ тѣмъ, чтобы опредѣлить точное значеніе изслѣдуемаго слова,

но чтобы найти его высшій и наибольшій смыслъ; они стремились въ каждомъ изреченіи Писанія открыть возможно полное его содержаніе, соединить въ одно цѣлое всѣ тѣ отѣнки, съ какими оно встрѣчается въ Библии. Поэтому, когда они говорили напр., что Сынъ есть сіяніе славы Отчей и образъ Его ипостаси, то въ устахъ ихъ это значило, что Сынъ находится въ самомъ преискреннемъ приобщеніи къ Божеской природѣ и неотдѣлимъ отъ Отца, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ они связывали и всѣ другія изреченія Библии, въ которыхъ изображалась Божественность Сына. Напротивъ, антиохійскій экзегетъ разсматривалъ каждое слово Писанія въ отдѣльности и опредѣлялъ прежде всего то грамматическое значеніе, какое оно сохраняетъ на протяженіи всей Библии; вслѣдствіе этого онъ постигалъ въ каждомъ данномъ изреченіи прежде всего его наименьшій смыслъ, принадлежащій ему вездѣ и повсюду. Отсюда то и такія формулы, что Сынъ есть сила Отца или что Онъ отъ Бога, не имѣли въ его глазахъ такого величественнаго значенія, какое соединялъ съ ними александріецъ. Онъ понималъ ихъ въ обычномъ, обиходномъ смыслѣ, и такъ какъ въ этомъ пониманіи онъ оправдывался Библіей, то всѣ попытки извлечь изъ нихъ точное догматическое содержаніе оказывались предъ судомъ его тщетными.

Вѣроятно въ этотъ моментъ, когда старанія отцовъ воспользоваться библейскимъ оборотомъ для изложенія церковнаго ученія окончились неудачей, на соборѣ выступило новое лицо съ предложеніемъ, какъ нельзя болѣе отвѣчавшимъ желаніямъ его. Это былъ Евсевій кесарійскій. Онъ предъявилъ собору готовый символъ, который оставалось только утвердить членамъ собора, чтобы закончить свою догматическую дѣятельность. И этотъ символъ не составлялъ собственного произведенія Евсевія, подобно символу арианскому, а основывался на крещальномъ символѣ кесарійской перкви ¹⁾. Предлагая его вниманію собора, Евсевій говорилъ: „мы содержимъ и исповѣдуемъ вѣру такъ, какъ приняли отъ предшествовавшихъ намъ епископовъ и какъ научились ей отъ Божественнаго Писанія“. Такое заявленіе ученаго епископа заранѣе располагало отцовъ собора къ благо-

¹⁾ См. посланіе Евсевія къ своей паствѣ. Socr. 1, 8; Theodor., 1, 11.

пріятному сужденію о вносимомъ имъ символѣ, такъ какъ свидѣтельствовало о древности послѣдняго и церковномъ его авторитетѣ. Но изъ крещальнаго символа своей церкви Евсевій взялъ не все, а только тѣ его члены, которые относились къ изслѣдуемому соборомъ вопросу, дополнилъ и развилъ ихъ своими добавленіями. Спорный пунктъ о Божествѣ Сына Божія въ немъ излагался въ такихъ выраженіяхъ: „вѣруемъ во единого Господа І. Христа, Божіе Слово, свѣта отъ свѣта, жизнь отъ жизни, Сына едиnorodнаго, перворожденнаго всей твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго“. Затѣмъ, послѣ тирады о воплощеніи, въ немъ добавлялось въ качествѣ комментарія къ вышесказанному: „вѣруемъ, что каждый изъ Нихъ, Отецъ и Сынъ, имѣютъ Свое бытіе; Отецъ есть истинно Отецъ и Сынъ истинно Сынъ“. Символь Евсевія былъ чуждъ аріанскихъ формулъ и цѣликомъ наполненъ былъ библейскими изреченіями; поэтому понятно, что отцы собора встрѣтили его съ полнымъ одобреніемъ. Самъ императоръ подтвердилъ полную его вѣрность и исповѣдалъ, что онъ всегда мыслилъ согласно съ нимъ. Но къ невыгодѣ Евсевія, попытка его соединить около себя богословскія партіи собора явилось очень поздно; соборъ опытнымъ путемъ успѣлъ уже дознаться, что общія выраженія, подобныя находящимся въ символѣ Евсевія, не достигаютъ цѣли и не устраняютъ аріанства, и потому его предпріятіе, рассчитанное на примиреніе собора не оправдалось. Ударъ его планамъ нанесенъ былъ человѣкомъ, отъ котораго кесарійскій епископъ менѣе всего ожидалъ этого, и воззрѣнія котораго весьма близко сходились съ его собственными воззрѣніями. Когда былъ прочитанъ символъ Евсевія, то выразивъ ему одобреніе, императоръ потребовалъ одного, чтобы внесено было слово „*ὁμοούσιος*“, и отцы собора приняли это требованіе. Новое, сказанное царемъ, слово разомъ разбило попытку Евсевія и вмѣсто неопредѣленной, посредствующей формы придало ему форму законченную, строго догматическую,—ту форму, на которой еще ранѣе торжественнаго засѣданія остановились вожди церкви. Но коль скоро въ предложенный Евсевіемъ символъ внесенъ былъ терминъ, существенно измѣнявшій его смыслъ, ничто не препятствовало тому, чтобы подвергнуть его и дальнѣйшимъ поправкамъ. Отцы собора такъ и поступили, и, такимъ об-

разомъ, символъ Евсевія легъ въ основу никейскаго символа ¹⁾, составилъ его канву, но не былъ принятъ цѣликомъ. Кромѣ слова: *ὁμοούσιος* въ него внесено было нѣсколько другихъ поправокъ, какъ коррективнаго, такъ и догматическаго характера. Последняго рода поправки, т. е. поправки догматическаго характера состояли въ слѣдующемъ. Въ первомъ членѣ символа вѣры въ словахъ: „Творца всего видимаго и невидимаго“ Евсевіевъ терминъ *ἐκτίσας* былъ замѣненъ простымъ *ποίησας*, такъ какъ греческое *ἄραξ, ἀράτης*, значащее: *всѣ безъ исключенія*, могло бы вести къ мысли, что Богъ Отецъ есть творецъ и Сына и Духа. Во второмъ членѣ опущено было прежде всего выраженіе: *τοῦ θεοῦ λόγον* — слово Божіе“, въ виду того, что съ понятіемъ Логоса въ христіанскомъ мірѣ нерѣдко связывались признаки, заимствованные изъ философскаго ученія о Немъ, какъ посредствующемъ орудіи между Богомъ и міромъ; выраженіе: Логось Божій вообще было чуждо символъному языку древней церкви и въ текстъ кесарійскаго символа, вѣроятно, внесено было самимъ Евсевіемъ ²⁾. Отцы собора замѣнили его чисто христіанскимъ понятіемъ: *τὸν υἱὸν θεοῦ* — Сына Божія. Далѣе, они устранили и выраженіе „первороденнаго всей твари“, какъ терминъ, находившійся въ большомъ употребленіи у аріанъ и способный подать поводъ къ мнѣнію, что Сынъ есть только первое твореніе Отца. Затѣмъ, вмѣсто неопредѣленныхъ словъ Евсевіева символа: „единороднаго Сына, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца рожденнаго“ они поставили недопускающія перетолкованія выраженія: „единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца (*τὸν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς*)“, показывающія, что сущность Сына такая же, какъ и сущность Отца, дальнѣйшимъ подтвержденіемъ чего и служить центральный терминъ никейскаго символа:

¹⁾ Hort (Two dissertations Cambridge und London, pp. 54 — 64) утверждаетъ, что отцы никейскаго собора при составленіи своего символа пользовались еще кромѣ вѣроизложенія Евсевія, символомъ іерусалимскимъ и антиохійскимъ. Но историческія свѣдѣнія говорятъ только о символѣ Евсевія, какъ основѣ никейскаго, и ничего не знаютъ объ антиохійскомъ или іерусалимскомъ символѣ. А во-вторыхъ, Hort'у не удалось ни въ томъ, ни въ другомъ символѣ найти хоть двухъ подрядъ словъ, которыя воспроизводились бы въ никейскомъ.

²⁾ Ср. Hahn. Bibliothek d. Symbole, 3 Auf. Breslau, 1897. s. 132; anm. 368.

единосущнаго. Чтобы яснѣе отмѣтить отличіе церковнаго ученія отъ аріанскаго, къ указаннымъ выраженіямъ были присоединены еще слѣдующія слова: Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго *несотвореннаго*“, направляющіяся прямо противъ воззрѣній Арія. Третій членъ Евсевіева символа, исповѣдующій вѣру въ Духа Св., оставленъ безъ измѣненія. Наконецъ, въ заключеніе къ символу отцы составили особые анафематизмы, ясно отвергавшіе основные тезисы аріанства. Послѣ всѣхъ этихъ поправокъ и дополненій, символъ, принятый соборомъ, получилъ слѣдующій видъ:

Вѣруемъ во единаго Бога Отца Вседержителя, творца всего видимаго и невидимаго. И во единаго Господа, Иисуса Христа, *Сына Божія*, рожденнаго отъ Отца, едиnorodнаго, т. е. *изъ сущности* Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, *несотвореннаго, единосущнаго* Отцу, чрезъ котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ. Насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія спешшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Святаго Духа.

А говорящихъ, что было время, когда не было Сына, или что Онъ не былъ прежде рожденія и произошелъ изъ несущихъ, или утверждающихъ, что Сынъ Божій изъ иной ипостаси или субстанціи, или созданъ, или преложимъ, или измѣняемъ — таковыхъ анафематствуетъ каледонская церковь.

4., Въ ряду этихъ поправокъ и дополненій, внесенныхъ отцами перваго вселенскаго собора въ вѣроизложеніе Евсевія кесарійскаго и преобразовавшихъ его изъ символа *частнаго* въ символъ *вселенской* церкви, центральное мѣсто занимаютъ термины: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιος*. Въ этихъ двухъ терминахъ дано завершеніе догматической дѣятельности собора, синтезъ его ученія о второмъ Лицѣ Св. Троицы. Эти же термины или, точнѣе, понятія, выражаемые ими, послужили толкомъ и къ дальнѣйшему послѣ—никейскому развитію догматическихъ движеній. Что же обозначаютъ собой термины: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιος*, и какой смыслъ соединяли съ ними никейскіе дѣятели?

Въ научно-богословскомъ отношеніи не безынтересно

здѣсь отмѣтить прежде всего тотъ фактъ, что первый въ исторіи церкви соборъ, которому усвоенъ былъ авторитетъ вселенности, нашелъ нужнымъ для выраженія церковнаго вѣросознанія, воспользоваться не оборотомъ библейскимъ, но терминами, составляющими продуктъ древнеклассической философской мысли. На знамени православія онъ начерталъ слова, не встрѣчающіяся въ Библии, не освященныя ея примѣромъ, заимствованныя изъ области языческой литературы.—Такая постановка дѣла на никейскомъ соборѣ ближайшимъ образомъ объясняется историческими задачами собора, его борьбою съ аріанствомъ; она вызывалась невозможностью подыскать въ Библии такую формулу, которая не поддавалась бы двусмысленнымъ перетолкованіямъ въ противномъ православію духѣ и въ совершенствѣ выражала бы собой ученіе церкви. Опиравшаяся не столько на богословскія, сколько на метафизическія основанія, аріанская доктрина и для своего опроверженія требовала того же оружія, какимъ она сама нападала на церковное преданіе. Но уступая необходимости и вводя въ символъ слова, взятые съ языка науки, никейскіе отцы не дѣлали этимъ чего-либо новаго, неизвѣстнаго церковному преданію, и не выходили за рамки унаслѣдованнаго отъ прежнихъ временъ. Въ древней церкви ихъ пріемъ имѣлъ цѣлый рядъ прецедентовъ и только подтверждалъ и узаконялъ собой то, что издавна стало общимъ правиломъ въ изслѣдованіи вопросовъ вѣры. Христіанское богословіе никогда не чуждалось и не сторонилось отъ науки и научныхъ способовъ познанія; съ первыхъ моментовъ возникновенія богословской литературы христіанскіе писатели заключили союзъ съ свѣтской языческой наукой, усвоили себѣ ея лучшіе результаты и въ церковное богословіе пересадили много понятій, созданныхъ языческою мыслию и по необыкновенной тонкости своихъ оттѣнковъ весьма пригодныхъ для уясненія высочайшихъ и отвлеченнѣйшихъ предметовъ религіи. Изъ памятниковъ христіанской письменности эти, заимствованные у свѣтской науки, термины незамѣтно и очень рано начали перебираться въ официальные документы церкви,—въ символы и вѣроизложенія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтали такое значеніе, что становились отличительнымъ признакомъ православія. Такъ напр., символъ Григорія Чудотворца, одинъ

изъ замѣчательнѣйшихъ символовъ древней церкви, явленный ему, по преданію, въ видѣніи, не менѣе, чѣмъ на половину состоитъ изъ терминовъ метафизическихъ, принадлежащихъ области философіи; такого же характера и изложеніе вѣры, представленное шестью восточными епископами на антioxійскомъ соборѣ противъ Павла самосатскаго. Благодаря этому процессу, въ христіанскомъ богословіи еще задолго до перваго вселенскаго собора выработалась терминологія, независимая отъ языка Библіи и ведущая свое начало отъ свѣтской науки. Она успѣла здѣсь акклиматизироваться, потеряла прежнее языческое значеніе и сроднилась съ духомъ новой религіи. Такимъ образомъ, форма, въ какой отлилась догматическая дѣятельность перваго вселенскаго собора, была подготовлена въ церкви давно; собору оставалось только разобраться въ наслѣдіи, полученномъ отъ древности, и взять изъ него то, что оказывалось наиболѣе пригоднымъ для его цѣлей. Отсюда видно, что отцовъ никейскаго собора, отдавшихъ въ своемъ символѣ предпочтеніе выраженіямъ не библейскимъ, нельзя обвинять ни въ какомъ либо неслыханномъ новшествѣ, въ чемъ ихъ упрекаетъ Гарнакъ ¹⁾, и ни въ какомъ положительномъ революціонерствѣ, какъ это мы находимъ у англійскаго изслѣдователя исторіи аріанства Гуоткина ²⁾. Все, что сдѣлалъ соборъ, состояло въ томъ, что внося въ символъ вселенской вѣры слова, усвоенныя съ языка науки, онъ торжественно засвидѣтельствовалъ законность примѣненія къ области вѣры научныхъ приѣмовъ изслѣдованія, наглядно призналъ и освятилъ право разума на участіе въ рѣшеніи недоумѣній вѣры.

Поставивъ средоточіемъ своего изложенія вѣры термины: *ἐκ οὐβίας* и *ὁμοούσιος*, соборъ этимъ самымъ обязывался дать имъ необходимыя объясненія, установить за ними твердый и неизмѣнный смыслъ. И соборъ, дѣйствительно, выполнилъ это обязательство. „Когда объявлено было изложеніе—пишетъ Евсевій кесарійскій къ своей паствѣ,—мы не оставили безъ тщательнаго извѣдыванія, какъ надо понимать выраженія *ἐκ οὐβίας τοῦ πατρὸς* и *ὁμοούσιος*; по сему поводу были

¹⁾ Lehrbuch d. Dogmengeschichte, 3 Aufl., Leipzig, 1899. II, ss. 226. 227.

²⁾ Gwatkin, Studies of arianism, sec. edit. Cambridge, 1900, s. 47: yet the use of *ἀγρυπα* was a positive revolution in the church.

даваемы вопросы и отвѣты, и смыслъ словъ былъ внимательно разсмотрѣнъ“¹⁾. Къ сожалѣнію, Евсевій кесарійскій не сохранилъ намъ извѣстій о самомъ ходѣ этого „извѣдыванія“, и потому въ рѣшеніи вопроса о томъ, какія представленія соединяли съ этими терминами разныя группы участниковъ собора, мы должны довольствоваться косвенными данными, которыя, впрочемъ, бросаютъ довольно яркій свѣтъ на дѣло. Что касается до слова „ἐκ οὐσίας“, то здѣсь важно обратить вниманіе на тотъ пунктъ, какъ понимали никейскіе отцы это слово по сравненію съ другимъ, близкимъ къ нему „ὑπόστασις“, употребленномъ отцами въ анаеизмахъ символа? разсматривали ли они эти слова, какъ два различныхъ понятія, или сливали ихъ вмѣстѣ? Въ современномъ намъ богословіи термины: οὐσία и ὑπόστασις имѣютъ строго опредѣленные смыслъ и употребленіе; οὐσία означаетъ собой родовое понятіе, τὸ κοινόν, а въ приложеніи къ Божеству единое Его существо; ὑπόστασις же есть лицо или отдѣльный индивидуумъ, τὸ ἴδιον, владѣющее этимъ существомъ. Но такая выработанная терминологія есть продуктъ позднѣйшаго времени; она появилась послѣ никейскаго собора и въ христіанскомъ богословіи упрочена была трудами каппадокійскихъ отцовъ. Ни свѣтская языческая наука, ни древнѣйшее до-никейское богословіе не знали этой терминологіи. Въ греческой литературѣ: ὑπόστασις сообразно коренному своему значенію весьма близко подходило къ слову οὐσία и считалось съ нимъ взаимозамѣнимымъ; въ первоначальномъ, конкретномъ смыслѣ оно имѣло различныя значенія; такъ напр., въ рѣчи у Іезекиіля: ὑπόστασις οἴκου означаетъ фундаментъ дома (43, 11), у Полибія оно употребляется въ смыслѣ начала, исходнаго пункта трактата²⁾, у Аристотеля даже въ значеніи отстоевъ (ὑπόστασις ἢ γενομένη ἐκ τῆς πλύσεως)—„отстой, получившіеся отъ мытья“. Но въ спеціально философскомъ употребленіи слово: ὑπόστασις означало существенную сторону предмета, основу его бытія, то-есть, оказывалось синонимичнымъ слову: οὐσία; такъ у Аристотеля выраженіе „по ипостаси, ипостасно“ всегда противопоставляется

1) Theodoret, H. E., 1, 11.

2) Polyb. 4, 2, 1 (καλλίστην ὑπόστασιν ἐπολαμίζοντες ср. Stephani thesaurus, p. 427.

выраженію: по видимости (*κατ' ἔμφασιν*) и отмѣчаетъ существенный признакъ вещи; точно также Филонъ выражается слѣдующимъ образомъ: „сіяніе (свѣта) не имѣетъ собственной ипостаси, но рождается изъ пламени“¹⁾. Это пониманіе термина: *ὑπόστασις* сближающее его со словомъ; *οὐσία* осталось навсегда господствующимъ въ языческой философской литературѣ; „школа свѣтскихъ наукъ,—писалъ Іеронимъ въ 70-хъ годахъ IV вѣка,—не знаетъ иного значенія слова ипостась, какъ только сущность“²⁾. Характерно также свидѣтельство Сократа³⁾. „Греческіе излагатели эллинской философіи,—пишетъ онъ,—слово „сущность“ опредѣлили различнымъ образомъ, объ ипостаси же совсѣмъ не упомянули. Иринеи Грамматикъ въ своемъ изслѣдованіи объ аттической рѣчи (*κατὰ στοιχείον ἀττικισμῆ*) называетъ это слово варварскимъ (*βάρβαρον*), потому что его нельзя найти ни у одного древняго писателя, а если оно и употребляется у кого-нибудь, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно принимается теперь. Такъ, у Софокла ипостась означаетъ засаду (*ἐνέδραν*). У Менандра, тоже составителя комедій, ипостасью называются дрожжи, отстоявшіяся въ сосудѣ вина. Но хотя древнія философы это выраженіе и не употребляли, однако нужно знать, что новѣйшіе часто пользуются выраженіемъ (*λέξιν*) „ипостась“ вмѣсто „сущность“. Это писано уже въ V вѣкѣ.—Въ такомъ же значеніе слово ипостась перешло и въ христіанскую письменность; въ четырехъ мѣстахъ Новаго Завѣта (2 Кор. 9, 4; 11, 17; Евр. 1, 3; 11, 1), гдѣ встрѣчается это слово, оно вполне можетъ быть замѣнено посредствомъ: *οὐσία*, древніе же церковные писатели не дѣлаютъ никакого различія между этими терминами и пользуются ими, какъ

1) Herzog's Real—Encycl., 2 Aufl. III, 37.

2) Epist. 90 ad Damas.

3) Нижецитируемая сообщенія Сократъ помѣщаетъ послѣ своего разсказа объ александрійскомъ соборѣ 362 года и сдѣланныхъ тамъ постановленій по поводу этихъ словъ (Н. Е., 3, 7. Migne, gr. s., t. 67, с. 396. Въ русскомъ переводѣ мѣсто искажено). Они основаны на собственныхъ познаніяхъ Сократа и предваряются замѣчаніемъ: „а что мы знаемъ о словахъ: *οὐσία* и *ὑπόστασις* о томъ считаемъ не лишнимъ сказать кратко. Цитируемый имъ Иринеи Грамматикъ, александріецъ, ученикъ Геліодора Метрика, поллатыни называемый Пакатоиъ, извѣстенъ своими многочисленными сочиненіями объ особенностяхъ греческаго аттическаго языка. Yalesii adnot.

совершенно тождественными по смыслу; тѣхъ напр., у Таціана находятся такія выраженія: „Богъ есть ипостась всего ¹⁾ или ипостась плотской матеріи, т. е. сущность или существо плотской матеріи“ ²⁾. Есть всѣ основанія полагать, что и отцы перваго вселенскаго собора принимали слова „ипостась“ и „сущность“ въ качествѣ равнозначащихъ и совсѣмъ не подозрѣвали того различія между ними, какое внесено было позднѣйшей литературой. Свидѣтелемъ за это является не кто другой, какъ самый видный защитникъ никейскаго собора, Аѳанасій александрійскій, остававшійся всегда вѣрнымъ богословскому духу собора. Во всѣхъ несомнѣнно подлинныхъ сочиненіяхъ нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ бы слово; *οὐσία* имѣло иное значеніе, чѣмъ ипостась, гдѣ предполагалось бы какое-либо замѣтное различіе между ними. Въ одномъ изъ своихъ посланій, написанномъ 35 лѣтъ спустя послѣ никейскаго собора, онъ прямо заявляетъ, что „ипостась есть сущность и не иное что обозначаетъ, какъ самое существо“ ³⁾. На одной почвѣ съ Аѳанасіемъ стояло и все старое поколѣніе никейцевъ; когда къ 60-мъ годамъ IV-го вѣка въ церкви замѣчено было разнорѣчіе въ употребленіи словъ „сущность“ и „ипостась“, при чемъ одни изъ епископовъ удерживали за ними прежній безразличный смыслъ, а другіе понимали ипостась въ значеніи лица и учили о трехъ ипостасяхъ въ Богѣ, то представители стараго поколѣнія никейцевъ отнеслись къ послѣднимъ не вполнѣ одобрительно. Въ 362-мъ году по этому поводу составилъ въ Александріи подъ предсѣдательствомъ Аѳанасія александрійскаго особый соборъ, который и взялъ на себя задачу выяснить разнорѣчивую терминологию. На соборѣ обнаружилось, что какъ тѣ, которые учили объ одной ипостаси въ Божествѣ, такъ и тѣ, которые признавали три ипостаси, расходились только въ словахъ, но въ разумѣніи догмата были согласны между собою, ибо они различно понимали слово „ипостась“. Первые отождествляли его съ сущностью, вторые же обозначали имъ понятіе лица. Соборъ тѣхъ и другихъ призналъ одинаково православными, однако на принимавшихъ три ипостаси онъ

¹⁾ Tet., or. 5; Otto., p. 22.

²⁾ Or. 6, Otto, p. 28.

³⁾ Epist. ad Afros., 3. Migne gr. s. 26, c. 1036.

взглянулъ, какъ на такихъ людей, которые поднимаютъ вопросы, не затронутые въ Никеѣ и, поэтому, въ своемъ окончательномъ постановленіи рекомендовалъ довольствоваться выраженіями, указанными соборомъ 318 ти отцовъ ¹⁾. Значить, по воззрѣніямъ александрійскаго собора, никейскіе отцы не установили техническаго различія между терминами „ипостась“ и „*οὐσία*“ и, подобно древнѣйшимъ богословамъ, понимали ихъ въ качествѣ взаимно замѣнимыхъ.

Изъ этого смѣшаннаго употребленія словъ сущность и ипостась хорошо уясняется та догматическая мысль, какую хотѣли высказать отцы, внося въ символъ выраженіе: „*ἐκ οὐσίας τοῦ πατρὸς*“—рожденнаго... изъ сущности Отца“. Никейскіе отцы въ ученіи о Тріединомъ Богѣ, очевидно, слѣдовали пріемамъ до-никейской школы богослововъ, у которыхъ догматъ о Троицѣ раскрывался въ не систематическомъ, а въ генетическомъ порядкѣ. Излагая ученіе о Троицѣ, до-никейскіе богословы выходили не изъ понятія о существѣ Божіемъ, какъ это дѣлается теперь, а изъ понятія о Богѣ Отцѣ; въ до-никейской догматикѣ, можно сказать, вполне отсутствовалъ тотъ трактатъ, который разсуждаетъ о существѣ Божіемъ и его свойствахъ. Съ точки зрѣнія до-никейскихъ богослововъ, существо Божіе и есть Самъ Богъ Отецъ; Отецъ вполне и всецѣло владѣетъ этимъ существомъ, а затѣмъ отсюда, изъ этого существа Отца, рождается Сынъ, который также всецѣло обладаетъ Божіемъ существомъ, такъ что не всѣ три Лица вмѣстѣ имѣютъ одно существо, но каждая изъ ипостасей есть весь Богъ, и существо принадлежитъ каждой всецѣло. Вслѣдствіе этого, когда никейскіе отцы говорили, что Сынъ рожденъ отъ Отца, то этимъ самымъ они и хотѣли сказать, что Онъ рожденъ изъ существа Отца, т. е. изъ существа Божія, которое и есть Отецъ. Вводя въ символъ нарочитое поясненіе выраженія „отъ Отца“, т. е. изъ сущности Отца,—поясненіе, которое разумѣлось само собой, они имѣли въ виду исключительно полемическія цѣли—желаніе предотвратить возможность произвольнаго перетолкованія словъ „отъ Отца“. Ихъ добавленіе: *ἐκ οὐσίας τ. πατρὸς* прямо направлялось противъ аріанства и осуждало его ученіе о тварности Сына, о происхож-

¹⁾ См. *tomus ad Antioch.* Migne, gr. s., *ibid.*, c. 795 sgr.

деніи Его изъ несущаго. Строго говоря, одного этого добавленія и было достаточно для того, чтобы разъ навсегда опровергнуть аріанскую ересь. Но будучи весьма пригоднымъ въ видахъ борьбы съ аріанствомъ, терминъ: *ἐκ οὐσίας* оказывался недостаточнымъ для выраженія положительнаго ученія церкви о Сынѣ Божіемъ. Взятый въ отдѣльности, внѣ связи съ другими атрибутами Сына Божія, онъ утверждалъ только то, что Сыну свойственно существо Отца, но еще ни слова не говорилъ о томъ, въ какой мѣрѣ это существо присуще Сыну. Рождаясь изъ существа Отца, Сынъ могъ владѣть не всецѣло, а только частью существа Отца и вслѣдствіе этого оказался бы неравенъ Отцу; такъ, напр., и училъ Тертулліанъ, называвшій Сына *portio aliquanda Dei*—нѣкоторая доля Отца. Устраняя аріанскую идею тварности Сына, терминъ: *ἐκ οὐσίας* самъ по себѣ не устранялъ субординаціональныхъ представленій о Сынѣ, весьма распространенныхъ на Востокѣ послѣ Оригена и требовалъ для себя положительнаго дополненія. Такимъ необходимымъ дополненіемъ и логическимъ завершеніемъ дѣла никейскихъ отцовъ и явилось слово: *ὁμοούσιος*, въ положительномъ смыслѣ опредѣлившее собой то, что отрицательно содержалось въ *ἐκ οὐσίας*. Это показываетъ, что изъ двухъ центральныхъ выраженій, внесенныхъ отцами въ символъ, слову: *ὁμοούσιος* принадлежитъ первенствующее догматическое значеніе. Аванасій александрійскій считалъ это слово достаточнымъ для опроверженія не только аріанства, но и всѣхъ ересей, когда либо бывшихъ или имѣющихъ быть въ церкви. И дѣйствительно, въ церковной догматикѣ оно навсегда сохранило за собой передовое мѣсто. Его подтвердилъ 2-й вселенскій соборъ и внесъ въ свой символъ, принятый всею вселенскою церковью, между тѣмъ какъ: *ἐκ οὐσίας τ. πατρὸς* было отвергнуто константинопольскими отцами и исчезло съ богословскаго языка.

Что же значить собой это слово: *ὁμοούσιος*. Для выясненія значенія слова: *ὁμοούσιος* собственно съ филологической стороны имѣется очень длинный рядъ аналогій въ другихъ греческихъ прилагательныхъ; начинающихся съ частицы: *ομο*. Во всѣхъ подобнаго рода словахъ частица: *ομο* указываетъ на общность владѣнія какимъ-либо предметомъ или качествомъ, свойственную нѣсколькимъ субъектамъ; *ὁμοπλάτ-*

ριος — человекъ, происходящій отъ одного и того же лица съ другимъ какимъ-либо лицомъ; *διουγενής* — два или нѣсколько лицъ, принадлежащихъ одному и тому же роду и т. д. Отсюда слово „*διούσιος*“ будетъ означать такихъ субъектовъ, которые обладаютъ одинаковою сущностью и буквально можетъ быть переведено по-русски словомъ — сосущный. Но такъ какъ въ Богѣ, по самому понятію о Немъ, мыслимо только конкретное единство существа, а не собирательное, раздѣленное между многими субъектами, то въ приложеніи къ лицамъ Божества слово *διούσιος* должно указывать не только одинаковость ихъ существа, но и реальное его тождество. Такъ напр. всѣ люди единосущны другъ другу, однако, общность ихъ существа не есть нѣчто данное конкретно; она постигается умозрительно посредствомъ тождества опредѣленій. Въ Богѣ же, напротивъ, единое существо дано конкретно и составляетъ реальное, а не логически только усматриваемое состояніе ипостасей. Значить, въ примѣненіи къ Божескому существу *διούσιος* свидѣтельствуетъ о томъ, что то же самое единое существо, которое есть въ Отцѣ, принадлежитъ и Сыну, то-есть, необходимо ведетъ къ мысли о реальномъ единствѣ Сына по существу съ Отцомъ. Отожествляя Сына по существу съ Отцомъ, слово: *διούσιος* вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ указаніе и на различіе между ними, предполагаетъ въ нихъ двухъ самостоятельныхъ субъектовъ, владѣющихъ одною сущностью. Въ этомъ лежитъ значеніе частицы *ομο* и преимущество термина *ομοούσιος* предъ другими, близко подходящими къ нему терминами. Никейскіе отцы не называли Сына ни: *μονούσιος* — единственносущный, ни *ταυτόσιος* — тождественносущный, потому что *μονούσιος* исключало бы всякую возможность перехода отъ Сына къ Отцу, представляло бы сущность Сына единственно Ему принадлежащей. *Ταυτόσιος* же, хотя бы и могло выражать ту же самую мысль, что и *ομοούσιος*, но не было бы пригодно, какъ слово недостаточно вразумительное, которое при отсутствіи разграниченія между понятіями сущности и ипостаси могло легко рождать мысль о безразличіи Отца и Сына. Никейскій соборъ называлъ Сына единосущнымъ — *ομοούσιον* и этимъ устранилъ возможность савелліанскаго сліянія Лицъ Св. Троицы, потому что всякій данный субъектъ можетъ быть единосущнымъ только кому

нибудь другому, а не самому себѣ. Такимъ образомъ, слово *ὁμοούσιος* въ его идеальномъ пониманіи одновременно учило и о единствѣ Сына съ Отцомъ по существу и о нѣкоторомъ различіи между Ними, предполагающемъ личную самостоятельность каждаго. Оно въ совершенствѣ выражало собой догматъ церкви о Второмъ Лицѣ Св. Троицы, и въ терминологическомъ отношеніи было тѣмъ цѣннѣе, что оно не допускало никакихъ перетолкованій; его можно было принять или отвергнуть; *tertium non datur*.

По извѣстію Евсевія о ходѣ соборныхъ разсужденій это великое слово впервые произнесено было на никейскомъ соборѣ импер. Константиномъ, который тогда оставался еще некрещеннымъ ¹⁾. Естественно теперь спросить, какимъ образомъ императоръ еще не ознакомившійся хорошо съ христіанскимъ ученіемъ сумѣлъ сказать слово, въ совершенствѣ исчерпывавшее собой спорный вопросъ,—слово, составившее цвѣтъ догматическихъ усилій нѣсколькихъ столѣтій?—Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что императоръ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не по собственной инициативѣ; онъ былъ подставной величиной: за спиною его должны были скрываться какіе-нибудь епископы... Но кто эти епископы?—Если бы мы для рѣшенія этого вопроса не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ общаго представленія о состояніи богословской науки на Востокѣ и Западѣ ко времени никейскаго собора, то и тогда мы должны были бы отвѣтить на него такъ: слово: *ὁμοούσιος* нашло себѣ мѣсто въ никейскомъ символѣ вѣры главнымъ образомъ подъ вліяніемъ западныхъ епископовъ и ими же оно было внушено Константину. Слово „единосущный“ до внесенія его въ никейскій символъ пережило свою исторію, и эта исторія различно сложилась въ восточной и западной половинахъ церкви. Первоначально догматическое значеніе этого слова, ставшаго шибболетомъ православія, было оцѣнено гностиками. Гностики первые начали употреблять его и, быть можетъ, это именно обстоятельство рѣшило судьбу его на Востокѣ до перваго вселенскаго собора. Восточные отцы и вообще греческіе писатели въ существѣ дѣла учили о Сынѣ Божіемъ такъ, какъ того требовалъ этотъ терминъ. Они всѣ болѣе или менѣе призна-

¹⁾ Theodoret., H. E., 1, 11.

вали Его вѣчное бытіе и происхожденіе отъ Отца, мыслили причастнымъ Божеской природѣ и отличнымъ отъ Отца, и тѣмъ не менѣе рѣшительно избѣгали употребленія слова: *ὁμοούσιος*. Это слово всегда вызывало у нихъ какую-то подозрительность, которая съ теченіемъ времени, особенно съ появленіемъ монархіанскихъ ересей не только не уменьшилась, а напротивъ возросла. Возможно, что и субординаціанскія о Сынѣ Божіемъ, получившія силу на Востокѣ, благодаря апологетами и, главнымъ образомъ, Оригену, составили собой не малое препятствіе къ популяризаціи слова: *ὁμοούσιος*. Какъ бы то ни было, но восточное богословіе неохотно пользовалось этимъ словомъ и сторонилось отъ него даже въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Когда Діонисій римскій упрекалъ Діонисія александрійскаго между прочимъ въ томъ, что онъ избѣгаетъ называть Сына единосущнымъ Отцу, то послѣдній призналъ всю справедливость этого упрека. Въ свою защиту онъ указалъ на то, что онъ учитъ согласно съ смысломъ термина *ὁμοούσιος*, но самаго термина все-таки неупотребилъ. Это было около 60-хъ годовъ 3-го вѣка, а въ 367-мъ году большой соборъ противъ Павла самосатскаго, составившійся въ Антиохіи изъ восточныхъ епископовъ, нанесъ послѣдній ударъ этому слову: онъ осудилъ его употребленіе. Постановленіе авторитетнаго собора должно было окончательно дискредитировать терминъ въ глазахъ восточныхъ богослововъ и отняло у него всякую надежду къ естественному распространенію на Востокѣ. И дѣйствительно, его не знаютъ и имъ не пользуются ни Александръ александрійскій, ни Аѳанасій въ его раннѣйшихъ сочиненіяхъ, написанныхъ до изданія никейскаго символа. Первый изъ нихъ, обозначая, вопреки аріанству, отношеніе Сына Божія къ Отцу, ставитъ формулу: *ὁμοιος κατὰ πάντα* подобный по всему,—формулу, которая въ послѣдствіи усвоена была противниками единосущія и затѣмъ отвергнута церковнымъ богословіемъ, а второй довольствуется такими общими выраженіями, какъ *ἴδιος λόγος θεοῦ, εἰκόν* и пр. Такимъ образомъ, на Востокѣ совсѣмъ не было подготовленной почвы для того, чтобы безъ сторонняго побужденія остановиться на словѣ *ὁμοούσιος* и сдѣлать его центральной формулой православія. Иначе обстояло дѣло на Западѣ. Здѣсь со времени Тертулліана, слѣдовательно, съ начала 3-го вѣка, установи-

лись и вошли въ общій богословскій обиходъ такія прочныя формулы, какъ una substantia et tres personae—одна субстанція и три Лица въ Троицѣ, по силѣ которой Сынъ являлся unius substantiae съ Отцомъ, или единосущнымъ Отцу. Извѣстно, что у самого Тертуліана, вслѣдствіе особенностей его терминологіи, эти формулы удивительнымъ образомъ соединялись съ ученіемъ о подчиненіи Сына Отцу по Божеству, но этотъ недостатокъ былъ скоро исправленъ его продолжателями. Въ половинѣ III-го вѣка, какъ показываетъ письмо Діонисія римскаго, Западъ уже понималъ терминъ unius substantiae почти въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ никейскій соборъ употребилъ слово: *ὁμοούσιος*. Отсюда видно, что терминъ „единосущный“ былъ гораздо ближе и сроднѣе западнымъ епископамъ, чѣмъ восточнымъ. Восточнымъ нужно еще было отыскивать формулу, западные же несли ее уже въ готовомъ и обработанномъ видѣ.—Далѣе, благодаря традиціонному уваженію къ западной церкви, представители ея заняли на никейскомъ соборѣ выдающееся мѣсто и ближе всѣхъ оказались къ царю. Съ 312-го года,—года провозглашенія христіанства дозволенной религіей,—до осени 323-го года Константинъ жилъ на Западѣ, дышалъ западной церковной атмосферой, собиралъ и окружалъ себя западными епископами. Предстоятели восточной церкви ко времени никейскаго собора еще не успѣли пріобрѣсти у него то довѣріе, какимъ пользовались западные; взаимные раздоры роняли ихъ авторитетъ, а нѣкоторые изъ нихъ своими связями съ Лициніемъ вызывали у царя и политическую подозрительность. Потому, въ новомъ и трудномъ догматическомъ вопросѣ, представшемъ предъ Константиномъ по прибытіи его на Востокъ, ему естественно было обратиться къ старымъ совѣтникамъ и послѣдовать ихъ внушенію.—Но, конечно, ни Константинъ, ни малочисленная группа западныхъ епископовъ никогда бы не рѣшились навязать Востоку непопулярное для него слово, если бы они не встрѣтили поддержки и одобренія у вліятельныхъ восточныхъ дѣятелей. Побѣда термина *ὁμοούσιος* на никейскомъ соборѣ и обусловлена именно тѣмъ, что лучшіе и авторитетнѣйшіе епископы Востока поняли великое значеніе его и сдѣлались энергичными защитниками. Они ознакомились съ этимъ терминомъ еще до прибытія въ Никею. Когда Осій кордуб-

скій, по порученію императора, ѣздилъ въ Александрію съ письмомъ къ Александру, то здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ уже обсуждалъ съ александрійскимъ епископомъ средства борьбы съ аріанствомъ; по извѣстію Сократа ¹⁾, на составившемся тогда въ Александріи соборѣ шли разсужденія о существѣ и ипостаси. Къ этому Филосторгій еще добавляетъ, что на дорогѣ въ Никею Александръ александрійскій былъ встрѣченъ Осіемъ въ Никоидіи, и здѣсь снова они порѣшили остановиться на словѣ: *ὁμοούσιος* ²⁾. Оба приведенныя извѣстія показываютъ, что въ исторіи термина „единосущный“ на никейскомъ соборѣ самое видное значеніе принадлежитъ Осію, *западному* епископу, и это подтверждаетъ Аванасій, говоря, что Осій именно изложилъ вѣру въ Никеѣ ³⁾.

Слово: *ὁμοούσιος* въ корнѣ ниспровергало аріанство, лишало его всякихъ расчетовъ на принятіе въ церкви. Какъ же отнеслась аріанствующая партія къ никейскому символу? Самъ Аріій отказался подписать направленное противъ него изложеніе, но у его сторонниковъ—епископовъ—не хватило ни твердости духа, ни достаточной искренности убѣжденія. Изъ 17-ти епископовъ, входившихъ по Руфиму въ составъ аріанской партіи на соборѣ, только два земляка,—Θεона мармарикскій и Секундъ птолемаидскій,—послѣдовали его примѣру и вмѣстѣ съ нимъ были сосланы въ ссылку немедленно же послѣ собора. Евсевій никомидійскій и Θεогнисъ никейскій, эти вліятельнѣйшіе вожди аріанства, отвергли анаѹему на Арія, приложенную къ символу, но самый символъ подписали, чтобы сохранить за собой кафедры ⁴⁾. Желая оправдать этихъ двухъ епископовъ отъ упрека въ неискренности, Филосторгій рассказываетъ, что Евсевій и Θεогнисъ при подписи переправили слово *ὁμοούσιος* на *ὁμοιοῦσιος*—подобосущный ⁵⁾, но аріанскій историкъ не замѣчаетъ, что снимая съ епископовъ одинъ упрекъ, онъ возводитъ на нихъ другое, болѣе тяжкое, обвиненіе въ поддѣлкѣ документа.—Планы Евсевія и Θεогниса, впрочемъ не осуществи-

¹⁾ Н. Е., III, 7.

²⁾ Н. Е., I, 7.

³⁾ Hist. ar., 42: *οὗτος (Ὁσίος) ἐν Νικαίαν πίστιν ἐξέθετο* Migne, gr. s., t. 25 c. 744.

⁴⁾ Socr., Н. Е., I, 8; Sozom., Н. Е., I, 21.

⁵⁾ Н. Е., I, 9.

лись. Говорятъ, что когда Евсевій подписывался подъ символомъ, Секундъ птолемаидскій сказалъ ему:—„ты, Евсевій, подписываешься для того, чтобы не быть сосланнымъ, но я вѣрую Богу, что не пройдетъ и года, какъ отправятъ тебя въ ссылку“ ¹⁾. Слова Секунда скоро исполнились. Въ ноябрѣ 325-го года ²⁾ и Евсевій и Теогнисъ были сосланы за то, что они приняли въ общеніе высланныхъ изъ Александріи аріанъ ³⁾. Соборъ осудилъ Ѡалію, составленную Аріемъ, а императоръ приказалъ всѣ аріанскія сочиненія разыскивать и предавать огню, такъ чтобы объ Аріи и введенномъ имъ учении не сохранилось никакого воспоминанія. За утайку сочиненій назначена смертная казнь ⁴⁾.

А. Спасскій.

¹⁾ Philost., 1, 10.

²⁾ „Чрезъ три мѣсяца послѣ собора“. Philost., Н. Е., 1, 10.

³⁾ См. письмо Константина къ никомидійцамъ (Theodoret, Н. Е., 1, 19).

⁴⁾ Soz. Н. Е., 1, 21.